

ВНИЗ ПО ПРИЧУДИ В.В.

Дэнис Джеймс Уоткинс-Питчфорд Вниз по Причуди. Продолжение бестселлера «Вверх по Причуди и обратно»

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63495502
Вниз по Причуди / В.В.; : Добрая книга; Москва; 2019
ISBN 978-5-98124-722-4*

Аннотация

Вьюнок, Тысячелист, Меум и Морошник, герои эпической сказочной саги «Вверх по Причуди и обратно», отправляются в новое путешествие. Пробудившись от зимней спячки, гномы обнаруживают, что ручей, на берегу которого они жили, начал пересыхать. В поисках нового дома гномы отправляются вниз по ручью, в далекие края, где их ждут новые захватывающие приключения и удивительные открытия. Первая часть этой эпической сказочной саги, «Вверх по Причуди и обратно», была удостоена медали Карнеги, старейшей и самой престижной награды за лучшее литературное произведение для детей, и стала классикой детской литературы. Книга впервые публикуется в переводе на русский язык. Книга для чтения взрослыми детям.

Содержание

Глава 1	8
Глава 2	28
Глава 3	38
Глава 4	55
Глава 5	71
Глава 6	82
Конец ознакомительного фрагмента.	87

**Дэнис Уоткинс-Питчфорд
Вниз по Причуди.
Продолжение
бестселлера «Вверх по
Причуди и обратно»**

© The Estate of D. J. Watkins-Pitchford, 1948 – текст, иллюстрации.

© ООО «Издательство «Добрая книга», 2018 – перевод на русский язык, издание на русском языке, обложка.

Моей дочери Анжеле Джун

Чудо жизни, её удивительная красота и сила, её формы, цветá, свет и тени – вот что я вижу.

Взгляни и ты, покуда длится жизнь.

Глава 1

Внезапное пробуждение

Если вы уже прочитали книгу «Вверх по Причуди и обратно. Удивительные приключения трёх гномов», то знакомы с гномами, живущими под корнями старого дуба на берегу Дубовой заводи, и с другими обитателями ручья Причудь, а кроме того, вам известна история о том, как три гнома – Вьюнок (хромой гном), Тысячелист и Меум¹ – отправились в верховья Причуди, чтобы найти своего пропавшего собрата, Морошика, и как после множества приключений они нашли его целым и невредимым, и к тому же в превосходном расположении духа.

Вы наверняка помните и о «Джини Динс», игрушечном корабле, который гномы обнаружили на Тополином острове, о том, как они обрадовались этой находке и как на этом корабле вернулись в свой дом под корнями старого дуба на берегу уорикширского² ручья.

Если же вы ещё не прочитали эту книгу, ничего страшного; быть может, однажды вы её прочитаете.

---

¹ Имена гномов, героев этой книги, произошли от названий различных растений. Меум обыкновенный (или меум атамановый) – хорошо известное в старину лекарственное растение, очень похожее на фенхель, благодаря своему аромату использовавшееся также для приготовления супов и рагу. – *Прим. ред.*

² Уорикшир – графство в центральной части Англии. – *Прим. ред.*

Эти четверо гномов – Выюнок, Меум, Тысячелист и Морошик – были последними гномами в Англии. Все остальные гномы, в старые добрые времена обитавшие в лесах, лугах и по берегам рек и ручьёв, давным-давно исчезли, вместе с ними исчезли феи и эльфы, но наши герои уцелели, потому что тихо и безбедно жили в пещере под старым дубом в дальнем уголке Уорикшира. Сотни лет им удавалось не попадаться на глаза людям, а это было очень нелегко, уж поверьте мне! По той же самой причине до наших дней дожили и барсуки: будучи представителями одного из самых древних видов животных, барсуки выжили просто потому, что никогда не показывались из своих нор днём (за исключением очень старых или больных животных), строго придерживались правила *никогда* не связываться с людьми и не впутываться в их дела, а также никогда не воровали их имущество, как это водится у лис, крыс и некоторых птиц, или делали это очень редко.

Вскоре после того, как гномы, совершив удивительное путешествие в верховья Причуди, вернулись в свой дом под старым дубом, я покинул те места, где они жили. Я часто вспоминал о них и беспокоился за их дальнейшую судьбу: я знал, что люди перекопали русло Причуди и её берега, разрушив первозданную красоту тех мест. Возможно, я так никогда и не узнал бы о том, что произошло с этими гномами, если бы не одна маленькая птичка, которая рассказала мне об их новых приключениях. Благодаря её рассказу я и напи-

сал эту книгу. Вот как это случилось.

Совсем недавно, одним апрельским утром, когда я был в Оленьем лесу и наблюдал за ополовником³, строившим гнездо, я заметил маленькую жёлтую пичужку, копошившуюся в ветвях терновника прямо над моей головой. Я узнал в ней Кроху – пеночку-весничку, только что вернувшуюся из Африки.

Именно Кроха поведала мне о том, что произошло дальше. Она узнала обо всём от двоюродного брата своего мужа, который жил возле ручья Причудь, да ещё от Дятла, поэтому в правдивости её рассказа можно не сомневаться. Но Кроха была плохим рассказчиком: она то и дело прерывала свой рассказ и отвлекалась на поиски гусениц и прочих зелёных насекомых, да к тому же она ещё не пришла в себя после долгого перелёта. Поэтому я расскажу вам обо всём по-своему, так же, как сделал в первой книге.

Итак, после пиршества и бурного празднества в доме гномов под корнями старого дуба, когда птицы и звери разошлись по домам, гномы и Белка улеглись спать. Огонь в очаге погас, и в пещере стало очень холодно. Но гномам было тепло и уютно, словно недавно родившимся щенкам. Они тесно прижались друг к дружке, со всех сторон обложившись охапками папоротниковых листьев, и знай себе храпели. Миновал декабрь, наступил январь (а зима выдалась суровая!), корни старого дуба занесло сугробами, а Причудь намерт-

---

³ Длиннохвостая синица. – Прим. автора.

во замёрзла. Это было трудное время для обитателей ручья. Пришёл февраль, а снег по-прежнему лежал повсюду. Иногда он подтаивал и становился грязно-коричневым, но очень скоро выпадал чистый свежий снег и снова убелял всё вокруг.

Лишь в середине марта можно было почувствовать, что в воздухе повеяло весной. В конце концов Причудь избавилась от оков льда и снова запела свою звонкую песенку, на ветвях ив показались почки, а синички – Синепуговка, Белопузик (длиннохвостая синица), Чёрная Шапочка (черноголовая гаичка) – и зяблик Цвирк деловито сновали в ветвях деревьев и кустов. Водяные крысы вылезли из своих нор и уселись на солнцепёке, чтобы поскорее согреться, а камышницы уже подумывали о том, чтобы начинать строить гнёзда.

Над зеленеющими заливными лугами с рёвом и посвистом носились сильные ветры, безжалостно вырывавшие из земли хилые и прогнившие деревца. Мартовский ветер – зубной врач Матери-Природы; он вырывает из крон деревьев сухие и омертвевшие ветви, возвращая деревьям здоровье и силу.

А какие пируэты выписывают чиби́сы, с криками «Чи вы? Чи вы?» снующие над пашней в неярких лучах солнца!⁴

---

⁴ Чиби́сы часто гнездятся неподалёку от человеческого жилья. При появлении вблизи гнёзд нежелательного посетителя или хищника эти птицы с громкими пронзительными криками начинают кружиться над ним, подлетая к нему очень близко и пытаясь отогнать; они не делают исключения даже для сельскохозяйственной техники, выведенной на полевые работы. – *Прим. ред.*

Приятно было сознавать, что суровая зима миновала.

Именно в один из таких ветреных дней, когда Причудь сверкала и искрилась на солнце, а на её пригретом солнышком берегу засияли первые цветки чистотела, словно их только что выкрасили яркой жёлтой краской, в дверь жилища гномов под корнями старого дуба кто-то поскрёбся.

Первым проснулся Вьюнок. Как же затекло у него всё тело! Он раздвинул листья папоротника и высунул наружу свой огромный нос, словно ленивая соня.

Да, так и есть: кто-то очень громко скрёбся в их входную дверь! Какое чудовищное нарушение правил приличия, принятых среди животных! Никогда ещё обитатели ручья не осмеливались тревожить гномов во время зимней спячки. Вьюнок был так озадачен и раздражён, что разбудил остальных.

– Эй, Меум! Эгей, Морошик! Эге-ге, Тысячелист! Просыпайтесь! Просыпайтесь! Кто-то скребётся в нашу дверь!

Меум, ворча, повернулся и сел; его борода была усеяна обрывками листьев папоротника.

– Кто-то пришёл?

– Да, сам послушай!

Шорк-шорк-шорк.

– Что за наглость! И о чём только они думают?

– Сходи-ка посмотри, кто это, – скомандовал Вьюнок, пытаясь нащупать среди листьев папоротника свою костяную ногу. – Скажи им, чтобы убирались подобру-поздорову, и

вразуми их как следует!

Меум что-то проворчал в ответ. Обрывки листьев папоротника попали ему за шиворот и щекотали спину, и это его страшно раздражало.

Меум наощупь пробрался к двери и отодвинул все засовы. Открыв дверь, он был ослеплён ярким светом солнца и одурманен волной холодного свежего воздуха, напоённого сладкими ароматами весны. Прикрыв лицо рукой, Меум чихнул так сильно, что не удержался на ногах и упал.

– Кто здесь? Что вам надо?

– Это я, Водокрыс, – послышался скрипучий голос. – Мы подумали, что вас нужно разбудить, потому что происходит что-то невероятное.

Меум приоткрыл левый глаз, понемногу привыкая к ослепительному свету.

Вскоре он уже смог различить знакомые очертания Водокрыса, который выглядел страшно взволнованным.

Бедное животное было так расстроено, что едва могло внятно говорить.

– Боже мой, это ужасно, *ужасно!*

– Что ужасно? – раздражённо спросил Меум, который всё ещё не пришёл в себя.

– Да Причудь же! Она мельчает всё сильнее и сильнее, а мы не знаем, в чём дело. Все наши норы и подземные ходы пересохли, а воды в ручье почти не осталось!

– Ну, надо думать, это из-за сухой погоды, – ответил Ме-

ум, протирая глаза. – Не надо так волноваться, Водокрыс, это на тебя не похоже.

– Нет, дело вовсе не в этом, только что прошли обильные дожди. Мы опасаемся, что это всё проделки мельника на Мшистой мельнице, что это он остановил воду. Все обитатели ручья этим встревожены. Некоторые полевые мыши, обитавшие на лугах фермера Счастличикса, уже покидают свои жилища – они надеются, что ниже по течению ручей будет более полноводным.

К этому времени глаза Меума вполне привыкли к свету. Обрывки папоротника и сухие листья травы гроздьями свисали с его бороды, а он стоял и смотрел на Причудь. Должен сказать, он был страшно потрясён. К корню дуба была привязана бледная, выцветшая ленточка, которая отмечала обычный уровень воды в ручье. Как правило, гномы могли спускать на воду свои рыбацкие лодочки почти у самого порога их жилища под корнями старого дуба, но теперь уровень воды был гораздо ниже, а на месте большой коричневой заводи находилась широкая отмель из влажной зеленоватой гальки.

– Хорошо, Водокрыс, я позову остальных. Выюнок выйдет через минуту.

– В чём дело? – раздался голос Выюнка.

Он уже стоял рядом, пристегнув свою костяную ногу и, как и Меум, потирал глаза из-за непривычно яркого дневного света.

– Причудь! Ты только посмотри! – воскликнул Меум, который теперь и сам встревожился не на шутку. – Похоже, ручей пересыхает, или что-то вроде того.

На пороге появились Тысячелист и Морошик, а за ними подошла и Белка. Все они вышли на отмель и вяло бродили по мокрой гальке, озираясь по сторонам.

– Да, дело серьёзное, – сказал Выюнок. – Похоже, мы все скоро останемся без воды. Смотрите, кто плывёт вниз по ручью!

Из-за поворота ручья выше по течению показалась стая водяных крыс, а с ними – семь или восемь растерянных камышниц.

– Похоже, они очень торопятся. Давайте спросим у них, в чём дело.

Через несколько мгновений испуганные птицы и крысы поравнялись с гномами.

– Какой кошмар! – задыхаясь, воскликнула водяная крыса-мать. – У лугов Счастличикса ручей совсем иссяк, вода осталась лишь в заводях, а рыба! Вы бы видели, как она бьётся на камнях!

Выюнок, всё это время внимательно осматривавший ручей, внезапно воскликнул:

– Спаси нас Пан!⁵ Посмотрите на рыбу – она вся идёт вниз

---

⁵ Древнегреческий бог плодородия и дикой природы, покровитель пастухов и скотоводов. В этой книге Пан – могущественный покровитель и защитник дикой природы и её обитателей: растений, животных и гномов. – Прим. ред.

по течению!

Остальные проследили его взгляд. Действительно, янтарные воды пруда кишели рыбой, спасавшейся бегством. Рыба шла вниз по ручью целыми косяками, похожими на огромные тени; многие сотни рыбёшек – окуни, плотва, гольяны, – толкаясь и наседая друг на друга, рвались вперёд по течению; в их блестящих глазах явственно читался страх.

– Плохо дело, – сказал Вьюнок. – Они тоже знают, что что-то стряслось.

Одна водяная крыса принялась хныкать и причитать.

– Что же с нами будет, если Причудь совсем высохнет? – завывала она. – Куда нам деваться?

– Отличное пробуждение, нечего сказать, – проворчал Вьюнок. – Как раз когда мы ещё даже не проснулись как следует, и пришло время рыбачить. Но не будем терять голову... Ага, а вот и Король рыбаков⁶, теперь-то мы что-нибудь да разузнаем!

Зимородок, похожий на огромную блестящую голубую пчелу, подлетел к дубу и уселся на своей любимой ветке, под которой столпились все – и животные, и гномы.

---

⁶ Королём рыбаков гномы называли зимородка. Название этой птицы в английском языке (kingfisher) составлено из слов king (король) и fisher (рыбак), что отражает охотничьи повадки зимородка, который и в самом деле превосходно умеет ловить рыбу. Зимородок караулит добычу, сидя в засаде на ветке над водой; выбрав жертву (обычно это какая-нибудь мелкая рыбёшка, реже – пресноводная креветка, лягушка или водное насекомое), зимородок ныряет в воду и хватает добычу клювом; он может взлетать с добычей прямо из-под воды. В день зимородок съедает 10–12 рыбок. – *Прим. ред.*

Но поначалу зимородок не обращал на них никакого внимания. Он надулся и задрал голову.

– Ваше величество, – окликнул его Вьюнок, – что случилось с ручьём?

Но Король рыбаков так объелся рыбой, что не мог вымолвить ни слова.

– Омерзительное зрелище, – проворчал Вьюнок, – просто омерзительное. Полюбуйтесь-ка на него: он так объелся, что вот-вот лопнет!

Если бы в этот момент Вьюнок мог дотянуться до птицы, то хорошенько встряхнул бы её.

– Бесполезно, – вставил Тысячелист. – Нам остаётся только ждать, пока он переварит свою добычу.

Казалось, зимородок пытался что-то сказать. Он сделал несколько попыток, но не произнёс ни единого звука, а через минуту впал в оцепенение. Меум, дрожа от гнева, схватил камешек и швырнул его в птицу с убийственной меткостью. Камень щёлкнул зимородка по клюву; Король рыбаков так удивился, что тут же захаркал и выплюнул пять колюшек, которые упали на гальку к ногам Вьюнка. Падая, одна из них шлёпнула Водокрыса по носу, и это развеселило всех присутствующих.

– Может быть *теперь* вы что-нибудь нам скажете, ваше величество? – холодно спросил Вьюнок.

– Изумительно! – мечтательно сказал Зимородок. – Ещё ни разу в жизни я так не рыбачил! Все заводи и пороги про-

сто кишат рыбой... Восхитительно! – вновь воскликнул он. – Чудесно!

– Да кого волнует рыбалка! – закричал Вьюнок вне себя от ярости. Он совершенно забыл о том, что с Зимородком следует разговаривать уважительно, но для церемоний сейчас совсем не было времени. – Расскажи нам, в чём дело, почему Причудь пересыхает?

Однако единственным ответом ему был всплеск воды. Зимородок, промчавшись над головами собравшихся, нырнул в ручей. Секунду спустя он показался на поверхности воды с голянком в клюве, взлетел на ветку, оглушил рыбёшку, перевернул её и проглотил.

– Славная рыбалка, – вновь произнёс Зимородок мечтательно.

Вьюнок так расвирепел, что едва мог сдерживаться. Он повернулся к Белке.

– Белка, ты можешь что-нибудь сделать? Заберись на дерево и встряхни его хорошенько, чтобы он пришёл в чувство.

– Ладно, гномы, – сказал Зимородок, когда Белка направилась к дубу, – я не слишком много могу вам поведать. Всё, что я знаю – это то, что вода убывает, а рыба...

– Забудь про рыбу, – прервал его Вьюнок. – Ты можешь слетать к Мшистой мельнице и выяснить, что происходит?

– Что ж, хорошо, я летаю туда, Вьюнок, если ты так хочешь, но я не понимаю, почему вы все так разволновались.

– Да ведь могло произойти всё что угодно, – возмущённо

сказала Белка. – Должно быть, мельник что-то затеял.

– Хорошо, я лечу, – ответил Зимородок, – но сначала – ещё один гольянчик! Смотрите, сейчас я его поймаю!

И он вновь ринулся в воду, подняв фонтан брызг. Собравшиеся лишь вздохнули, переглянулись и грустно покачали головами.

Проглотив пойманную рыбёшку, ненасытная птица умчалась вверх по течению Причуди. Гномы провожали Зимородка взглядами, и очень скоро ярко-голубая точка скрылась за поворотом ручья. Когда взбесившая гномов птица удалилась, Меум подошёл к прибрежным кустам и срезал ивовый прутик. Потом он воткнул прутик в песок на дне ручья неподалёку от берега и своим охотничьим ножом сделал на прутике маленькую засечку на уровне поверхности воды. Затем все уселись на камни и стали ждать. Должно быть, вода в ручье убывала очень медленно, потому что поначалу никто не заметил сколько-нибудь заметного снижения её уровня. Но через четверть часа засечка оказалась чуть-чуть выше уровня воды. Да, теперь сомнений не было: Причудь *действительно* мелела, и вскоре она совсем пересохнет!

Можете ли вы представить себе, в каком бедственном положении оказались гномы, эти последние представители маленького народца⁷, стоявшие в тот момент на песчаной от-

---

⁷ В британском фольклоре и фольклоре многих стран континентальной Европы маленьким народцем называют всех маленьких волшебных существ – гномов, эльфов, фей, гоблинов, брауни, кобольдов, домовых и др. – Прим. ред.

мели Дубовой заводи? Ярко светило солнце, зеленели заливные луга, лёгкий ветерок покачивал тонкие ветви ив, усеянные серебристыми почками. По небу медленно плыли белые облака, погоняемые западным ветром и похожие на огромные мягкие подушки; чёрные и певчие дрозды пели на все лады, а за Коллинсонской церковью в небе парила пустельга, словно маленький пёстрый воздушный змей.

Как досадно, что такое прекрасное весеннее утро было омрачено надвигающейся бедой. Причудь была для гномов всем. Для многих поколений гномов она была добрым соседом и кормилицей: Причудь обеспечивала их рыбой и напевала им колыбельные, именно Причудь вернула Вьюнка, Меума и Тысячелиста домой целыми и невредимыми после того, как они побывали на зловещем Тополином острове и в ужасном Вороньем лесу. Гномы даже представить себе не могли, что этот светлый и весёлый ручей однажды может исчезнуть.

С ужасом смотрели они на ивовый прутик, вопреки всему надеясь, что их страхи безосновательны. Хладнокровие сохранял лишь Морошик.

Он прогуливался взад и вперёд по отмели, заложив большие пальцы за пояс, и что-то тихонько насвистывал. По правде говоря, с тех пор, как он побывал на Шпицбергене с дикими гусями, он возомнил себя исключительным гномом, и перспектива навсегда покинуть берега Причуди и дом под корнями старого дуба нисколько его не пугала.

– Было бы неплохо, Морошик, если бы ты прекратил свистеть, – раздражённо произнёс Вьюнок. – Подойди-ка сюда... Погляди, не кажется ли тебе, что уровень воды стал ещё ниже?

– Ха! Да к чему вообще волноваться? Если нам придётся отправиться вниз по течению, что ж с того? Кому охота провести всю жизнь на одном и том же месте? Мне вот хочется повидать новые края. Вот бы и мне такие крылья, как у Короля рыбаков! Вот кто много где побывал и многое повидал! Такая жизнь по мне! Пусть эта постылая Причудь мелеет себе на здоровье – меня это не волнует, я готов снова пуститься в путь, навстречу новым приключениям. Что толку сидеть тут, словно жуки-могильщики? Можно подумать, наступил конец света!

Вьюнок не удостоил его ответом. Он встал и поковылял туда, где была пришвартована «Джини Динс».

Увы! Это был уже не тот новенький, блестящий свежей краской корабль, который они поставили на стоянку возле берега снежной зимней ночью четыре месяца назад.

Судно стояло на мелководье, сильно накренившись, его киль покрылся бурой ржавчиной, а корма была опутана зелёной тиной. Даже надпись «Джини Динс» сильно выцвела и потускнела после суровой зимы. Меум и Тысячелист забрались на палубу. В трюме скопилась дождевая вода, а в рулевой рубке нашли приют несколько улиток. Меум с возмущением оторвал их от пола, вынес из рубки и выбросил за борт,

на берег, где на них набросился большой пятнистый дрозд. Певчие дрозды любят улиток, предпочитая их червям. Дрозд перетаскал улиток одну за одной к большому белому камню возле ручья, расколол раковины о камень и съел их содержимое, а потом вернулся к кораблю и стал выпрашивать ещё, но помощи гномам так и не предложил. Тем временем Меум осмотрел кают-компанию. Она была завалена опавшими дубовыми листьями; здесь пахло сыростью и плесенью, а на койках было полно мокриц.

– Ужасный беспорядок, – проворчал Меум, озираясь по сторонам. – Целый день уйдёт, чтобы всё здесь вычистить.

– Давай приступим прямо сейчас, – сказал Тысячелист. – Морошика звать не стоит, он всё равно не станет помогать. Уверен, он считает «Джини Динс» старой ржавой посудиной.

Тысячелист сгрёб листья в кучу и взял их в охапку. Меум спустился на берег и направился к дубу за ведром из лягушачьей кожи и щёткой.

Гномы – очень чистоплотный народец, и они сильно расстроились, найдя свой любимый корабль в таком плачевном состоянии.

Вскоре на узкой песчаной отмели возле старого дуба закипела работа. Физический труд – лучшее средство от уныния и тревог. На борту «Джини Динс» в любом случае нужно было провести генеральную уборку, и в конце концов даже Морошик снизошёл до того, что предложил свою помощь.

Вернулся Меум с ведром воды и щёткой. Щётку эту сма-

стерили вовсе не гномы. Может быть, вас позабавит то, что на самом деле это была головка настоящей зубной щётки, когда-то принадлежавшей не кому иному, как мельнику с Мшистой мельницы! Он купил эту щётку три года назад в местном магазине «Вулворт», и она хорошо ему послужила. Когда из щётки начали выпадать щетинки, мельник стал использовать её для чистки спиц и ступиц своего нового велосипеда, которым он очень гордился. У мельника был щенок, который однажды утащил эту щётку и понёс её к ручью, чтобы вдоволь наиграться с нею. Но он обронил щётку, она упала в мельничный пруд, и щенок долго смотрел, склонив набок свою маленькую голову, как зубная щётка покачивалась на воде. Течение отнесло щётку к берегу пруда, в заросли тростника, где она пролежала до тех пор, пока зимние паводки не унесли её дальше, вниз по ручью. Меум нашёл щётку под ивой неподалёку от деревни Яффа. Такова была история этой зубной щётки, хотя, разумеется, гномы не знали о ней, как не знали и о том, для чего люди использовали эту штуковину.

Вьюнок созвал бедных встревоженных водяных крыс и мышниц и попросил их не волноваться, а вместо этого помочь гномам привести «Джини Динс» в порядок. Вскоре к ним присоединились несколько попрыгúш (так гномы называли зайцев), парочка синичек и Белка. Последняя, будучи довольно проворным и сильным зверьком, очень помогла.

Гномы принесли из кладовой лестницу, чтобы Вьюнок

смог подняться на борт судна, а для водяных крыс подъём на борт и спуск на отмель не представлял никаких трудностей. Множество клювов и лап сильно облегчили гномам работу, и вскоре «Джини Динс» вновь стала выглядеть вполне привлекательно. Все трудились так усердно, что гномы совершенно позабыли о мелеющей Причуди, а водяные крысы – о брошенных уютных норах и аккуратно прорытых подземных ходах, которые теперь оказались далеко от воды и совершенно пересохли. Никто не обращал внимания на косяки рыбы, один за другим идущие вниз по течению; забыли даже о Короле рыбаков. Меум на четвереньках ползал по палубе и, словно опытная уборщица, тёр и скоблил всё вокруг, и от натуги его маленькое лицо приобрело цвет черники. Тысячелист соскрёб с корпуса корабля всю ржавчину. Морошик носился туда-сюда с раковиной улитки, вычерпывая воду, собравшуюся в трюме, а один раз из озорства опорожнил содержимое раковины за шиворот Тысячелисту, и тот взвизгнул как мышь. Водяные крысы занялись зелёной тиной, обрывая её своими острыми зубами, а синички в клювах выносили из кают-компания сухую листву.

Когда уборка была в самом разгаре, неожиданно появился Король рыбаков. Он уселся на ветке дуба прямо над «Джини Динс» и некоторое время молча наблюдал за происходящим на судне. Никто не замечал его.

Тогда Король рыбаков издал свист, громкий и продолжительный, и все тут же оставили работу.

Гномы, звери и птицы собрались на отмели под веткой, на которой сидел Король рыбаков, и когда воцарилась тишина, зимородок заговорил.

– Что ж, обитатели ручья, я принёс вам плохие вести. Я слетал за мельницу; теперь вы бы ни за что не узнали это место. Там целая ватага людей расчищает русло Причуди и копает канаву, сооружая подземный сток. До самого Вороньего леса по берегам ручья не осталось ни единого деревца, ни единого кустика. Они перенаправляют воды ручья в новое водохранилище за Коллинсоном. Вот куда течёт теперь наша Причудь. Через неделю в ручье не останется воды даже для водомерки. Так что, похоже, нам всем всё же придётся переезжать. Берег ручья, где мы с женой столько лет строили гнёзда, просто исчез!

– Значит, теперь все мы в одной лодке, – произнёс Вьюнок после того, как собравшиеся в ужасе ахнули. – Вам тоже придётся уходить отсюда.

Меум поставил ведро из лягушачьей кожи на землю и вытер пот со лба.

– Ты верно сказал, Вьюнок: все мы теперь в одной лодке, и эта лодка – «Джини Динс»! Судя по тому, с какой скоростью мелеет ручей, завтра «Джини Динс» уже не сможет отправиться в плавание. Мы все должны двинуться в путь сегодня вечером!

– Вперёд! – воскликнул Вьюнок, внезапно оживившись. – Давайте потрудимся! Белка, Тысячелист, начинайте перено-

свить на судно припасы из нашей кладовой, а мы с Меумом будем укладывать их в трюм. Я не собираюсь бросать здесь своё вино! До заката весь провиант до последней крошки должен быть на борту! А вам, водяные крысы и камышницы, стоит нам подсобить, если у вас есть время.

– Я полечу в низовья ручья и расскажу обо всём жене и другим обитателям Причуди, – сказал Зимородок, которого так отрезвило увиденное, что ему было немного стыдно за своё недавнее поведение.

– Желаю вам удачи, ваше величество, – ответил Вьюнок, впервые за день вежливо обратившийся к Королю рыбаков, – и спасибо за помощь!

Когда Король рыбаков улетел, все с огромным усердием принялись за работу. Гномы установили две сходни, ведущие с галечного берега на палубу «Джини Динс», и по ним постоянно сновали животные и гномы. Одни тащили печенье из желудей и пшеничные лепёшки в сделанных из листьев кульках, другие – связки сушёной колюшки; Белка носила мешочки с орехами (то и дело украдкой отправляя в рот орешек-другой).

Закупоренные раковины с драгоценными ягодными винами Вьюнка были очень осторожно, с благоговением извлечены из кладовой и аккуратно выставлены в ряд на галечном берегу. Вьюнок никому не разрешил заносить их на борт, опасаясь, что вино взболтают, и сделал это сам. Он был подлинным знатоком вина: занося раковины на корабль, он дер-

жал их в определённом положении, чтобы не взболтать содержимое.

К наступлению темноты все припасы лежали в трюме. Теперь оставалось лишь сдвинуть корабль с мелководья и вывести его на стремнину.

Там, где стоял мерный прутик Меума, теперь образовалась отмель – с утра уровень воды в Причуди опустился на целый фут⁸. Нельзя было терять ни минуты!

---

⁸ Один фут равен 12 дюймам или 30,48 сантиметрам. – *Прим. ред.*

Глава 2

Исход

Гномам, как и людям, нужен сон. В первой книге я уже упоминал о том, что гномы предпочитают выходить из укрытий и отправляться по своим делам ночью – по той простой причине, что при свете дня их могут увидеть. Это особенно важно в начале весны, когда на кустах совсем мало листвы, а трава, цветы и тростник ещё не начали расти.

Следует помнить, что дело было ранней весной, а в это время маленький народец обычно ещё только начинал готовиться к пробуждению.

Гномов пробудили из глубокой зимней спячки на неделю раньше положенного, и у них не было времени собраться с мыслями. Ужасное бедствие случилось неожиданно и страшно их расстроило. Ни с того ни с сего гномы были вынуждены покинуть дом, в котором они прожили почти пять сотен лет, а всё из-за того, что каким-то людишкам было приказано копать для Причуди новое русло в нескольких милях⁹ отсюда!

Гномам ещё повезло, что погода в те дни выдалась мягкой. Было начало марта, и если бы ещё лежал снег и случались заморозки, то я даже не знаю, что приключилось бы с Вьюнком и его собратьями. Возможно, они сгнули бы, как

---

⁹ Британская сухопутная миля равна 1,609 км. – Прим. ред.

сгнули другие гномы, некогда обитавшие в полях и лесах средневековой Британии.

Весь день гномы трудились не покладая рук, и к тому моменту, когда «Джини Динс» была готова к отплытию, они сильно умаялись. Когда стемнело, водяные крысы и другие обитатели ручья отправились вниз по течению, и гномы остались одни. Они решили, что им нужно немного вздремнуть перед тем, как пуститься в путь, и Вьюнок попросил филина Бена, который жил над ними, в дупле дуба, разбудить их в полночь, чтобы гномы не проспали до утра. Должен заметить, что Бен ужасно расстроился, услышав от гномов дурные вести, но сказал, что собирается остаться жить в дупле дуба, что бы ни случилось. Он и его предки жили здесь с тех самых пор, как дубу исполнилось три сотни лет, и рацион их питания никак не зависел от состояния Причуди. Конечно, Бен любил этот ручей и однажды даже обмолвился о том, что не представляет себе жизнь без весёлого журчания воды, но, обсудив сложившуюся ситуацию со своей женой на семейном совете, они решили остаться.

Четверо усталых маленьких гномов вместе с Белкой прилегли на отдых в своём жилище под корнями старого дуба, чтобы в последний раз вздремнуть здесь, прежде чем они покинут свой дом.

Гномы были слишком расстроены, чтобы обсуждать случившееся. Конечно, Тысячелист постоянно шмыгал носом,

но остальным удавалось скрывать свои чувства, а Морошик, как я уже говорил, казалось, не воспринимал происходящее всерьёз.

Время от времени он приговаривал:

– А вот мы, – говоря «мы», Морошик имел в виду диких гусей и себя, – *мы* вообще не стали бы переживать об этом, случись нечто подобное на Шпицбергене.

Затем он начал рассказывать длинную историю о том, как однажды полярная лисица (песец) выкрала из одного гусяного гнезда все яйца, после чего матери-гусыне пришлось искать себе новое место для гнезда, и он ей очень помог. Вскоре Вьюнок приказал ему помалкивать.

Гномы сгребли в кучу сухой папоротник, чтобы устроить себе лежанку, и через несколько минут уснули, позабыв о событиях последних часов. Когда, наконец, в дымоходе раздалось уханье Бена, гномы пробудились отдохнувшими и были готовы отправиться в путь.

– Не расстраивайтесь, – утешал их Бен, – готов поспорить на трёх жирных полёвок, что в один прекрасный день вы вернётесь, и мы снова заживём здесь все вместе, а Причудь оживёт.

– Хотел бы я, чтобы так и случилось, – пробормотал Вьюнок, изо всех сил стараясь подавить дрожь в голосе. – До чего же не хочется покидать насиженное место, да и тебя, Бен. Ты был нам добрым другом, и мы многим тебе обязаны. Ты снабжал нас шкурками для одежды и сделал для нас много

хорошего.

– Ерунда, ничего особенного, – угрюмо отозвался Бен, и его голос тоже дрожал от волнения. – Я буду очень скучать по вам, хотя порой вы и обкуривали меня своим дымом! Вьюнок, у меня есть маленький подарок для всех вас. Мы с женой не можем позволить вам уехать без подарка, который напоминал бы вам о нас.

Из тёмного дымохода к ногам Вьюнка упали четыре прекрасные бархатные кротовые шкурки.

– Они помогут вам пережить холода, – сказал Бен ещё более угрюмо и, резко повернувшись, исчез в своём гнезде наверху.

Гномы подобрали подарки. Это были замечательные шкурки, из них можно сделать отличные шубы, которым не будет сносу.

– Это очень мило с твоей стороны, Бен! – крикнул Вьюнок филину. – Они точно будут напоминать нам о вас каждый раз, когда мы будем их надевать!

На этой трогательной сцене я должен прерваться, чтобы кое-что пояснить. Гномы никогда не убивали теплокровных живых существ, ведь водяные крысы, мыши, птицы и четвероногие звери – за исключением разве что лесных собак (так гномы звали лисиц) и горностаев – были их добрыми друзьями. Но кожа была самым лучшим материалом для одежды, и ни одна кожа не могла сравниться с кротовым мехом, в котором гному и удобно, и тепло. Каждый раз, встречая мышь

или крота, гномы видели, как те подозрительно косятся на их курточки и бриджи, и гномам приходилось объяснять, как они раздобыли материал для своей одежды. Что они будут делать теперь без Бена, главного добытчика шкурок? Гномов утешало лишь то, что эти прекрасные новые шкурки, подаренные Беном, прослужат очень долго. Нынешняя одежда гномов, сшитая из мышьиной и кротовьей кожи, была очень старой и совсем износилась.

Бросив последний прощальный взгляд на свой дом под корнями старого дуба, гномы направились к «Джини Динс».

Теперь она стояла примерно в двух футах¹⁰ от воды, но откос из песка и гальки под килем судна был довольно крутым, и с помощью Белки корабль быстро удалось столкнуть вниз. «Джини Динс» вошла в воды ручья кормой вперёд, как и приличествует кораблю, и вскоре гномы и Белка уже были на борту.

– До свидания, Бен! – закричали они, когда их корабль подхватило течение.

– До-о-свиду-у! – заухал Бен дрожащим от волнения голосом. – До-о-свиду-у! У-хуу! У-хуу!

Дрейфуя по течению ручья в полной темноте, гномы слышали, как затихает вдали голос Бена. Наконец наступила тишина. Вьюнок вздохнул.

– Старина Бен был хорошим другом, – произнёс он.

– Это точно, – отозвался Меум. – Прекрасным другом,

---

¹⁰ Шестьдесят сантиметров. – Прим. ред.

лучшим из всех птиц, которые едят мышей.

– Бен – славный малый, не буду отрицать, – сказал Морошик, – но не думаю, что можно сравнивать такую птицу с...

– Знаю, с диким гусем! – взорвался Вьюнок. – Когда же ты уймёшься со своими рассказами о Небесных гончих? У старого Бена золотое сердце.

– И всё же я не понимаю, почему он решил остаться, – произнёс Морошик. – Видел бы ты полярных сов, они в два раза больше Бена и белые как снег. Однажды я...

– Ох, замолчи же, Морошик! – снова огрызнулся Вьюнок. – Меня уже тошнит от всех этих рассказов о твоих чудесных приключениях. Ступай вниз и помоги Тысячелисту с ужином. Я умираю от голода.

Морошик надулся и ушёл, что-то бормоча себе под нос, а Вьюнок тем временем начал вглядываться в темноту.

Над гномами чёрными тенями нависали вязы, ивы и густые заросли тёрна, что росли по берегам ручья. Даже будучи едва покрыты листьями, в сумраке они казались огромными.

Вьюнок тяжело вздохнул. Теперь он не испытывал того восторга, который обычно охватывал гномов на борту «Джини Динс». А потом у него возникло странное ощущение, что в любом случае все эти ужасные события – к лучшему, что всё это было предрешиено. Если бы в прошлом году они не отправились вверх по Причуди на поиски Морошика, они бы не нашли «Джини Динс»! А если бы у них не было «Джини Динс», – пусть даже её мотор теперь не работает, – что

бы с ними стало? Им пришлось бы отправляться в путь пешком, а в это время года гномов повсюду подстерегают серьёзные опасности. В любой момент погода может испортиться, а найти подходящее укрытие на берегах ручья не так-то просто. Возможно, Пан по-прежнему присматривает за ними. Возможно, он послал им корабль именно с этой целью. Вьюнок снова вздохнул.

Он облокотился на фальшборт и посмотрел на звёзды. Какая прекрасная тихая ночь сегодня! На небе ни облачка, а сквозь тоненькие ивовые ветви, медленно проплывавшие мимо, просвечивал лунный серп.

Вьюнок услышал едва различимый шёпот и таинственный смех умирающей Причуди, омывающей какой-то корень, торчавший из воды. Где будут они к утру? Конечно, им придётся где-нибудь встать на стоянку. Будет ли уровень воды достаточным для того, чтобы «Джини Динс» могла двигаться дальше? Течение уже унесло их за пределы знакомых мест. Вьюнок замечал, что мимо проплывают деревья и кусты, которых он никогда прежде не видел. Причудь то и дело поворачивала и петляла, и все эти повороты были незнакомы гномам. Вьюнок надеялся, что впереди не будет ни водопадов, ни плотин.

Время от времени Вьюнок слышал плеск – это проплывала неподалёку водяная крыса, а один раз он увидел рядом с кораблём сразу трёх этих зверьков. Они, как и гномы, покидали родные места. Вьюнок тихонько окликнул их и спросил,

плывут ли они вниз по течению, но водяные крысы только покачали мордочками и поплыли дальше.

«Джини Динс» продолжала плыть по течению, медленно вращаясь. Если бы у судна работал мотор, этого бы не происходило, но без двигателя корабль целиком находился во власти течения. Временами «Джини Динс» натыкалась на торчавшую из воды ветку или притопленную корягу, а один раз даже застряла в зарослях тростника, но течение Причуди всякий раз помогало судну преодолеть эти препятствия и несло его дальше.

Последний раз взглянув на звёзды, Вьюнок покинул палубу и спустился в кают-компанию. Там было очень уютно. Тысячелист зажёл над столом маленький светильник и задёрнул занавески на иллюминаторах. На столе был накрыт ужин: орехи для Белки, жареные грибы и рыба для гномов. В качестве деликатеса Вьюнок откупорил раковину с вином из ежевики, которое считал одним из лучших.

Удивительно, насколько лучше они себя почувствовали, поужинав. Вьюнок решил, что больше не будет беспокоиться: они под защитой Пана и должны ему довериться.

Все улеглись в маленькие койки и закутались в одеяла; вскоре все, кроме Вьюнка, уснули. Он долго не смыкал глаз – не из-за беспокойства, о нет, теперь он был спокоен и ощущал удивительное умиротворение, охватившее его. Он чувствовал плавное покачивание судна, слышал мягкое шуршание водорослей и стеблей тростника, задевавших корпус

«Джини Динс», слышал журчание и тихий смех ручья, уносившего их всё дальше и дальше. К чему беспокоиться? Какой в этом прок? Койка напротив вдруг затряслась. Это чёсалась Белка. Возможно, она поймала блоху. Старая добрая Белка! Хорошо, что она отправилась с ними... Я думаю, теперь вы понимаете, до какого отчаяния были доведены гномы, если они отдались на милость течения и даже перестали нести вахту на палубе. Конечно, нет ничего плохого в том, что они доверились Пану, но Пан помогает только тем животным и гномам, которые сами заботятся о себе.

Итак, всю эту длинную ночь Причудь несла их вперёд. «Джини Динс» плавно и торжественно покачивалась и поворачивалась туда-сюда, увлекаемая течением. Много раз она попадала в небольшие водовороты, застревала в них и несколько минут вращалась, стоя на одном месте. А в это время уровень воды в ручье падал всё ниже и ниже. Однажды фок-мачта судна зацепилась за ветку упавшего дерева, и «Джини Динс» остановилась, опасно накренившись. И всё это время обитатели кают-компаний крепко спали.

Я не знаю, подняла ли эту ветку рука Пана, чтобы гномы могли продолжить плавание, или корабль высвободился сам из-за снижения уровня воды в ручье, но в конце концов «Джини Динс» выровнялась и снова медленно поплыла вперёд.

Свет в кают-компаниях погас (гномы использовали ореховое масло), всё здесь погрузилось во тьму, а маленький све-

тильник чадил и покачивался туда-сюда, тихо поскрипывая. Корпус корабля то и дело сотрясался от лёгких толчков, но экипаж «Джини Динс» по-прежнему крепко спал.

Глава 3

Гибель Причуди

Вьюнок медленно открыл глаза. Его голова была затуманена сновидениями, странными тревожными снами, в которых их дом под корнями старого дуба с корнем вырвал из земли сильный ураган, и они лишились крыши над головой и стали совершенно беззащитными, словно жуки, укрывшиеся под камнем, который только что перевернули.

Что произошло? Где он? Вьюнок оглядел кают-компанию. Слабый свет, пробивавшийся через щели в проёме входной двери, падал на картины, висевшие на стене напротив. Вьюнок стал припоминать события предыдущего дня и ночи. Ну конечно! Это кают-компания «Джини Динс», а они лишились крова и стали беженцами.

Далеко ли унесло их течение за прошедшую ночь? Вьюнок вскочил и протёр глаза. Остальные спали беспробудным сном. Они накрылись одеялами с головой, и лишь из-под одного из одеял высовывался кончик пушистого хвоста Белки.

Корабль стоял на месте; не чувствовалось никакого движения. Вьюнок торопливо отдёрнул занавеску на иллюминаторе и выглянул наружу. У него замерло сердце. Они сидели на мели! Из иллюминатора был виден красный обрыв глинистого берега, усеянный норами, в которых гнездились бере-

говые ласточки. На краю обрыва росли три маленьких ясеня, которые, казалось, вот-вот упадут в ручей.

В нескольких ярдах¹¹ от корабля по-прежнему стремительно бежал ручеёк, но прямо под иллюминатором Выюнок видел только гальку и песок. В этот момент, прямо на его глазах, «Джини Динс» неожиданно накренилась на правый борт так сильно, что тарелки и прочая посуда съехали со стола кают-компания и с оглушительным грохотом попадали на пол.

Этот шум разбудил остальных. Меум, вытаращив глаза, вскочил с койки и схватился за нож. Морошик и Тысячелист скатились с коек прямо под стол и барахтались там среди посуды, запутавшись в одеялах.

Белке каким-то образом удалось ухватиться за койку, и она, сделав прыжок, выскочила из кают-компания. Выюнок был готов к самому худшему. Он вцепился в край койки и удержался на ней.

– Ч-что это б-было? – заикаясь, спросил Тысячелист с округлившимися от страха глазами.

– Думаю, мы сели на мель, – ответил Выюнок. – И сели плотно. Давайте поднимемся на палубу.

Пробравшись к двери по накренившемуся полу, гномы вышли на капитанский мостик, где их ждала Белка.

Выюнок был прав. Они оказались на мели – на самой настоящей отмели прямо посредине русла ручья, у всех на ви-

---

¹¹ Один ярд равен 3 футам или 91,44 см. – *Прим. ред.*

ду. К тому же, занималась заря, и было ужасно холодно. Если бы ручей не обмелел, корабль свободно прошёл бы в нескольких дюймах¹² над дном отмели, но теперь, когда вода убывала, у него не было ни малейшего шанса проскочить это место. Единственное, что спасало гномов от посторонних взглядов – это то, что их по-прежнему окружали луга, и по берегам ручья в изобилии росли кусты и деревья.

Ниже по течению, за галечной отмелью, ручей был ещё довольно глубоким. Если бы только им удалось сдвинуть «Джини Динс» с отмели, они смогли бы вывести её на глубоководье, добраться до какого-нибудь безопасного места и укрыться там.

Пока гномы стояли на мостике, мимо них вниз по течению проплыли несколько водяных крыс с узелками за спиной. Было видно, что крысы ужасно спешат и что сами они родом явно не из здешних мест – очевидно, они приплыли сюда из верховий ручья. Увидев севший на мель пароход, они приняли ближе к берегу и торопливо поплыли дальше, не обращая внимания на Вьюнка, который окликнул крыс на их языке.

Лишь последняя водяная крыса на мгновение притормозила и лапой указала вверх по течению, а затем, не сказав ни слова, принялась нагонять своих спутников.

Белка спрыгнула на отмель и попыталась сдвинуть корабль с места, однако это оказалось ей не по силам.

---

¹² Один дюйм равен 2,54 сантиметрам. – Прим. ред.

Меум и Морошик вброд перешли ручей и вышли на берег (вода здесь едва доходила им до колен) и прошли вниз по течению, чтобы разведать, что ждёт их впереди.

Вьюнок и Тысячелист остались на мостике, поёживаясь от холода и пытаясь согреть озябшие пальцы своим дыханием.

– Мы не сможем быстро сдвинуть корабль с отмели, если только не случится чудо, – произнёс Вьюнок. – Он плотно сидит на камнях. Если мы останемся здесь на день, нас кто-нибудь да выследит. Лучше всего будет покинуть корабль, укрыться неподалёку и попытаться вывести его на воду вечером.

– Но к этому времени Причудь обмелеет ещё больше, – возразил Тысячелист. – Вода убывает очень быстро. К вечеру ручей совсем пересохнет. Мы ничего не сможем сделать.

– Тогда придётся идти пешком, – мрачно ответил Вьюнок, – и оставить все наши запасы на борту. Печально, но другого выхода нет.

Поблизости не было видно ни птиц, ни зверей. Казалось, ручей покинули все его обитатели. Меум и Морошик ушли за поворот ручья и скрылись из виду. В трёх футах от корабля в промоине галечной отмели, куда их выбросило течением, бились и плескались два гольяна, а в другой маленькой заводи Тысячелист заметил около двадцати рыбёшек, отчаянно пытавшихся выбраться из западни.

– Во всяком случае, завтрак нам обеспечен, – сказал Вьюнок, спускаясь по перекинутой за борт верёвочной лестни-

це. – Мы вполне можем позавтракать свежей рыбкой. Приготовим завтрак, пока Меум и Морошик не вернулись.

Поймать несчастных гольянов было секундным делом. Гномы отнесли их на корабль, Тысячелист проворно разжёт огонь в очаге, и когда Меум и Морошик поднялись на борт, их уже ждал превосходный горячий завтрак.

Меум и Морошик вернулись с хорошими вестями. Всего в сотне ярдов¹³ ниже по течению Причудь впадала в большой ручей. Меум уверял, что на самом деле его даже ручьём назвать нельзя – это была настоящая река, в три раза шире Причуди.

– Если бы нам только удалось проплыть дальше, мы бы оказались в безопасности, – сказал Меум. – Может, попробуем ещё раз вывести «Джини Динс» на воду?

Но Белка отрицательно покачала головой.

– И не надейтесь, – произнесла она. – Даже если бы мы все вместе стали толкать корабль, то не смогли бы сдвинуть его с места.

– Что ж, без толку волноваться, – сказал Выюнок. – Давайте позавтракаем, а потом всё обсудим. Ещё довольно рано, солнце едва показалось, и, может быть, мы что-нибудь придумаем.

Они энергично принялись за еду, и вскоре все гольяны были съедены, а Белка, которая не любила рыбу, схрумкала невероятное количество орехов.

---

¹³ Чуть более 90 метров. – Прим. ред.

Трапеза уже подходила к концу, когда снаружи внезапно раздался стук: кто-то стучал по корпусу корабля. Вьюнок осторожно выглянул в иллюминатор и издал радостный вопль: он увидел знакомую мордочку выдры.

Гномы мигом выскочили из кают-компания на палубу. К их радости оказалось, что эта зверушка приходилась родственницей той самой Выдре, которая была добрым другом гномов и так печально закончила свои дни в Вороньем лесу, погибнув от рук жестокого великана Громобоя. Эта выдра была упитанной и рослой, но выглядела крайне обеспокоенной.

– Я направляюсь вниз по течению, – сказала Выдра. – Я увидела на отмели ваш корабль – дай-ка, думаю, постучусь и узнаю, есть ли кто на борту.

– Какая удача, что ты оказалась здесь именно сейчас! – воскликнул Вьюнок. – Нам нужна помощь. Корабль плотно сидит на мели, и мы не можем сдвинуть его с места. Прошлой ночью нам пришлось оставить наш дом под корнями старого дуба, потому что вода в Причуди очень быстро убывала. Откуда ты приплыла, Выдра?

– Я плыву из Яффы, – ответила Выдра. – Хорошо, что вы всё же покинули Дубовую заводь прошлой ночью. Воды там теперь так мало, что и гольяну не проплыть, а пороги вообще пересохли. Вы вовремя ушли. Что до моей норы под ивой, то она тоже пересохла, вот почему я отправилась вниз по ручью. Гномы, на вашем месте я не стала бы терять ни

минуты. Давайте попробуем сдвинуть корабль с места. Ниже по течению ручей впадает в большую реку; если вы сможете до неё добраться, то будете в безопасности.

Гномы спустились на гальку по верёвочной лестнице. Выюнок, оставшись на носу, бросил вниз канат, который взяла в зубы Выдра. Остальные гномы вместе с Белкой встали у кормы и по команде Выюнка разом навалились на лежавший на боку корабль.

«Джини Динс» пришлось несладко. Её немилосердно толкали и тащили по камням, и доносящиеся из кают-компания тревожный грохот и звон говорили о том, что экипаж судна опять лишился части корабельной посуды.

Это была та ещё морока! Выдра тянула канат изо всех сил, гномы и Белка толкали судно, поскальзываясь, задыхаясь и увязая в песке и мелкой гальке. Выдра была сильным зверьком, и это сказывалось на результате. Тяжёлый корабль медленно, рывками, двигался вперёд, оставляя на гальке и песке глубокую борозду, и в конце концов его корпус коснулся воды. Ещё раз взмахнув своим мощным хвостом, Выдра вытянула корабль на воду, и вскоре гномы и Белка уже стояли на палубе, хватая ртами воздух и пытаясь отдышаться.

Выюнок был в восторге. Он радостно помахал своим колпаком Выдре, которая теперь, когда работа была сделана, отправилась дальше, вниз по ручью. Совсем скоро они достигли большой реки, о которой рассказывал Меум.

Причудь резко повернула вправо, и за этим поворотом

гномов ждало спасение: глубокая тёмная река, протекавшая среди зарослей тростника и ивовых кустов, глубина воды в которой была достаточной для прохода кораблей гораздо более крупных, чем «Джини Динс».

Неподалёку росла огромная ива, чьи корни образовали естественную пещеру; туда-то гномы и направили корабль – нелёгкая задача без двигателя даже при медленном течении. Белка и Меум, ловко орудуя длинными жердями, в конце концов завели корабль прямо под корни ивы и пришвартовали его там.

– Уф-ф-ф, – выдохнул Вьюнок, когда дело было сделано. – Если бы Выдра не подоспела к нам на помощь, мы бы ни за что не сдвинули корабль с места. А теперь, – добавил он, – после стольких трудов вы, должно быть, страдаете от жажды. Как вы смотрите на то, чтобы откупорить раковину с вином из бузины урожая 1905 года?

Это предложение было принято с энтузиазмом. Все направились в кают-компанию, и там Вьюнок вытащил из раковины деревянную пробку.

– За Выдру, – произнёс он, поднося раковину ко рту, и остальные один за другим присоединились к этому тосту, передавая раковину из рук в руки. Передохнув и выкурив трубку, Вьюнок отправил всех на уборку.

После того, как «Джини Динс» столь грубо и бесцеремонно тащили по галечной отмели, в кают-компании воцарился неопишуемый беспорядок. Две фарфоровые тарелки разби-

лись вдребезги, а всё остальное было раскидано по полу. Каким-то чудом сохранились картины, зато помялась медная кастрюля, и её починка стоила Меуму немалых трудов. Но в целом всё обошлось и закончилось благополучно. Они добрались до глубокой реки, нашли безопасное укрытие, хоть и временное, и, по крайней мере, могли передохнуть и оглядеться.

Когда «Джини Динс» вновь привели в порядок, а её пассажиры восстановили свои силы, гномы и Белка спустили на воду одну из шлюпок и, взявшись за вёсла, поплыли на ней обратно, к устью Причуди, или, скорее, к тому, что от неё осталось.

Было совершенно очевидно, что, задержись они немного дольше, их положение и вправду стало бы безнадежным. Вытащив шлюпку на берег, гномы во главе с Вьюнком прошли вверх по ручью почти до той самой отмели, где едва не окончилось их плавание.

Стоял тихий тёплый вечер. Солнце почти скрылось на западе, и повсюду начали сгущаться тени. Не было видно никаких животных, все беженцы ушли дальше, вниз по течению; Великое переселение с верховий Причуди завершилось. Вьюнок, ковыляя по ещё влажной гальке, вышел на середину ручья. Некоторое время он стоял, погруженный в размышления, глядя на ещё влажное русло Причуди, где речные улитки и гольян тщетно пытались найти хоть какое-нибудь убежище в последних каплях драгоценной влаги.

Потом он повернулся к остальным; его морщинистое лицо было омрачено глубокой печалью.

– Мы пришли вовремя, – произнёс Выюнок, – мы стали свидетелями гибели нашего любимого ручья. Много тысяч лет он тёк здесь для нас, много тысяч кукушечьих лет. Больше течь он не будет!

И все гномы, даже Морошик, склонили головы, и на глаза у них навернулись слёзы. Так они и стояли в сгущающихся сумерках, глядя на последнюю иссякающую струйку ручья, пока выше по руслу Причуди не показались два тёмных силуэта. словно огромные мотыльки, подлетели они к гномам и уселись на ветку старого вяза прямо над ними. Это были филин Бен и его жена.

– Итак, это, наконец, свершилось, – упавшим голосом произнёс Бен. – Пророчество обитателей ручья исполнилось!

Выюнок поднял голову; слезы всё ещё текли по его бороде.

– Да это же Бен и его жена! А мы думали, что вы решили никогда не покидать дупло на вершине старого дуба!

– Свершилось, – повторил Бен, торжественно глядя на гномов, – исполнилось пророчество обитателей ручья.

– А что это за пророчество? – спросил Выюнок так тихо, что только филин с его тонким слухом мог расслышать эти слова.

– Было сказано, – ответил филин, – что когда Причудь прекратит нести вдаль свои воды, маленький народец уйдёт

из этих мест и навсегда оставит берега ручья!

– Но почему? – спросил Вьюнок. Ком застрял у него в горле, но после некоторой паузы он овладел собой. – Почему вы оставили наш дуб?

– Дуба, увы, больше нет. Вскоре после вашего отъезда, когда наступил день, пришли люди с пилами и топорами и срубили его, срубили наш дуб, который долгие годы был нашим домом, в котором выросло столько поколений нашей семьи!

– Это ужасно, – простонал Вьюнок. – Мало того, что Причудь сгинула, так ещё и дуб!

Но Причудь не умерла. Даже человеку не под силу убить ручей. Его чистые воды, струящиеся из глубин земли словно её кровь, по-прежнему текли вдаль, хотя и по другому руслу, сделанному человеком, – по рукотворному каналу из железных труб, скреплённых болтами, без берегов, где могли бы расти деревья и могли бы жить водяные крысы и гномы. Ручей был заключён в темницу и упрятан под землю, подальше от солнечного света и свежего воздуха. В его водах больше не отражалось бледно-голубое весеннее небо, в них больше не могли с весёлым щебетанием плескаться ласточки, но всё же ручей по-прежнему тёк вдаль, хотя и в полудрёме.

Над тёмными полями пронёсся скорбный крик: «У-ху-у-у! У-ху-у-у!»», и две птицы, похожие на огромных мотыльков, улетели прочь, а гномы тем же путём вернулись к шлюпке.

Не произнося ни слова, преисполненные печали, они сели в шлюпку, поплыли обратно к «Джини Динс» и вскоре ис-

чезли в темноте под корнями ивы.

Не только гномы и совы меняли место жительства. Позднее, той же ночью, когда Вьюнок курил трубку возле корней ивы, он услышал в небе прямо над головой шум множества крыльев. Но эти птицы летели вовсе не с берегов умершей Причуди; то был передовой отряд могучей армии весенних перелётных птиц, которые теперь многими тысячами ежечасно возвращались в Британию после зимовки. И тогда Вьюнок понял: какое бы будущее ни уготовила им судьба, по крайней мере, зима закончилась.

Гномы всегда внимательно наблюдали за птицами в ожидании наступления этой ночи – ночи Весеннего возвращения, как они её называли, – и, сильно приободрившись и разволновавшись, Вьюнок позвал остальных на свежий воздух. Гномы стояли на берегу реки вместе с Белкой, вглядываясь в серое ночное небо и наострив свои длинные уши. У гномов самый острый слух среди всех живых существ, и благодаря такому слуху они знали обо всём, что происходило в небе над ними. Они ничего не могли разглядеть, но, внимательно вслушиваясь, различали слабый шелест и тихий шёпот, которые показались бы нам одной из самых волнующих мелодий в мире, если бы мы только могли их слышать. Гномы провели так несколько часов, и лишь донельзя утомившись, вымотанные напряжённым слушанием, они вернулись под корни ивы. Засыпая, они по-прежнему слышали шелест

крыльев множества птиц, бесчисленными стаями пролетавших в небе высоко над ними.

Едва рассвело, гномы уже были на ногах; они вылезли из-под корней ивы, чтобы поприветствовать своих друзей, которых не видели шесть долгих месяцев. Вскоре они услышали голос пеночки-теньковки, одной из тех изящных певчих птиц с тоненькими лапками и ухоженными пёрышками цвета увядшей листвы, которые весной первыми возвращаются домой. Она очень устала после долгого перелёта через Бискайский залив, где стояла скверная погода. Остальные прилетели из Алжира и Марокко.

Птичка перекусила маленькой зелёной гусеницей и залилась мелодичной трелью.

– Кажется, ты совершенно счастлива, Пеночка! – сказал ей Вьюнок. – Жаль, что этого нельзя сказать о нас.

– А что вас печалит? Да не расстраивайтесь вы из-за этих людишек! Они никогда особенно нас не тревожили, хотя и бывают иногда чересчур любопытными. Одного из птенцов моей сестры в прошлом году окольцевали.

– Окольцевали? – лицо Вьюнка перекосило от ужаса. – Какое чудовищное испытание!

Пеночка рассмеялась.

– О, малышу было совсем не больно, но с их стороны это очень неучтиво – просто так взять и надеть ему на лапку кольцо. Не вижу в этом никакого смысла. Но не будем больше говорить о людях. Как поживаете вы сами?

Бедный Вьюнок рассказал Пеночке об их бедах, но эта весёлая и беззаботная птичка отнеслась к его рассказу очень легкомысленно.

– Посмотрите на нас! – сказала она в ответ. – Посмотрите на пеночек, посмотрите, как мы путешествуем, это совсем не сложно! Я хочу сказать, найдите себе место для зимовки, а потом, когда придёт весна, отправляйтесь куда-нибудь ещё! Я проводила лето в других странах, но ни одна из них не может сравниться с вашим островом¹⁴.

Морошик, слушавший этот разговор во все уши, энергично закивал.

– Именно об этом я им и говорю! Зачем всю жизнь торчать на одном месте? Надо путешествовать, надо повидать мир!

– Но у нас нет крыльев, – возразил Вьюнок и пристально посмотрел на Морошика, – поэтому не мели языком как воробей.

– Вы и представить себе не можете, как приятно возвращаться назад, – продолжала Пеночка. – Неделями мы не видели ничего, кроме пустыни, песка, голубого неба и солнца, солнца, солнца, пока нас не начало воротить от него! Мы присели передохнуть прошлой ночью, после заката, и как же здóрово было снова почувствовать запах этого края, запах зелёной травы и лесов! Однажды вы обязательно должны ис-

---

¹⁴ Речь идёт о Великобритании, крупнейшем из Британских островов (и крупнейшем острове в Европе), на территории которых расположено одноимённое государство. – *Прим. ред.*

пытать Весеннее возвращение, – добавила птичка, – этого вы никогда не забудете.

– Я уже пережил нечто подобное, – с запалом сказал Морошник, шагнув вперёд. – Я летал на...

– Морошник! – угрожающим тоном произнёс Вьюнок, пытаясь осадить товарища, – довольно!

Пеночка зевнула (птицы делают это, широко открыв клюв и покачивая высунутым язычком; если вы мне не верите, наблюдайте, как зеваёт канарейка) и продолжила:

– На обратном пути мы обогнали множество пеночек-весничек; все они скоро будут здесь. В самом деле, мне кажется, я уже слышу одну из них, послушайте!

Птичка была права: из ближайшего перелеска донеслись трели пеночки-веснички.

– Вот! – воскликнула Пеночка. – Что я говорила! Не пройдёт и недели, как они будут повсюду. Ах, – продолжала она, с явным удовольствием оглядывая распускающиеся повсюду листочки и зеленеющие луга, – какая зелень! Знаете, чего мне не хватало последние полгода? Зелени Англии! Думаю, именно она побуждает нас возвращаться сюда, – эта зелень да ваше светло-серое небо. Конечно, – с гордостью добавила птичка, – мы – британские птицы, потому что здесь мы высиживаем птенцов, в отличие от Небесных гончих, дроздов-рябинников и дроздов-белобровиков. Вот о чём я подумала: если вам когда-нибудь доведётся наблюдать Осенний перелёт, вы увидите, что это ещё более потрясающее зрели-

ще, чем Весеннее возвращение. Не знаю, почему, – возможно, из-за того, что осенью с нами улетает множество молодых птенцов, которые ещё никогда в жизни не видели Африку и Испанию, и их восторг заразителен, если можно так выразиться. Неужели вас, гномы, никогда не тянуло отправиться в другие края, когда всё это, – птичка указала на свежую зелень вокруг, – когда всё это увядает, выгорает и сохнет, когда туман укрывает заливные луга, а солнечный свет становится таким жемчужно-жёлтым?

Вьюнок на мгновение задумался, прежде чем ответить. Каким-то образом слова Пеночки напомнили ему об осенней Причуде, тёмные воды которой уносили вдаль жёлтые листья, о ночёвках в верховьях ручья, о холодных росистых ночах и щебете скворцов.

– Возможно, мы бы и хотели этого, Пеночка, но у нас нет крыльев, к чему тогда об этом думать? Всё, что нам остаётся – это впадать в спячку, когда погода совсем портится.

– Впадать в спячку? – изумлённо воскликнула Пеночка. – В спячку? Но ведь во сне нельзя наслаждаться жизнью! Разумеется, нам, птицам, тоже надо спать – ночью, – но живём мы всего шесть-семь кукушечьих лет, а если повезёт – возможно, даже немного дольше. Моя бабушка прожила девять кукушечьих лет! К слову, – продолжала птичка, – а ведь вы, гномы, для нас загадка. Сколько вам лет? Мы, певчие птицы, часто об этом спорим, одни говорят одно, другие – другое.

Вьюнка это явно позабавило.

– Даже мне это не известно точно, Пеночка! На моих глазах на берегу Дубовой заводи из жёлудя вырос молоденький дубок, который стал потом нашим домом. Это было во времена короля Генриха Шестого. Ох, дорогая моя, сколько всего я повидал! Наш край изменился, и люди изменились, раньше они одевались очень необычно, а мужчины носили длинные волосы. Но даже в те дни на Причуди стояла мельница, а русло ручья никогда не менялось. Иногда оно уходило в сторону на один-два ярда¹⁵, но мы всегда слышали голос ручья, днём и ночью. А теперь – подумать только! – и старого дуба уже нет! Это ужасно!

Вьюнок закрыл лицо руками, и Пеночка почувствовала себя очень неудобно.

– Брось, Вьюнок, не подобает так вести себя в день Весеннего возвращения! Однажды там вырастет другой дуб, а Причудь вновь вернётся в своё русло. Взгляни! Лучи солнца пробиваются сквозь лес; через день-другой сюда вернуться и кукушки. А мне пора отправляться на поиски гусениц. Должна тебе сказать, я страшно проголодалась.

И весёлая маленькая птичка вспорхнула и скрылась в зелёной листве.

---

¹⁵ Один ярд равен 3 футам или 91,44 см. – *Прим. ред.*

Глава 4

Планы

Нам нужен план, серьёзный план, которому мы будем следовать, – произнёс Вьюнок, опершись локтями на стол уют-компаний и выпуская облачко ароматного табачного дыма.

Уже неделю они стояли под корнями ивы, приходя в себя после того, что им пришлось пережить. Рыбалка здесь оказалась великолепной, превыше всяких похвал, ведь эта река была глубокой, и рыба в ней водилась крупная, хотя из-за этого рыболовные снасти гномов постоянно рвались и ломались.

Можете представить себе радость гномов, когда они узнали, что филин Бен с женой поселились на той же самой иве! В дереве было дупло, в котором они устроили гнездо. Именно гномы убедили Бена в том, что им нужно держаться вместе как можно дольше, невзирая на превратности судьбы.

Вьюнок выпустил ещё одно облачко дыма и неодобрительно покосился на Морошика. Вот кто уж точно предложит что-нибудь бессмысленное – например, отправиться на Шпицберген, или какую-нибудь другую чушь, – в последние дни он слишком много о себе воображал.

– Как вы смотрите на то, чтобы пригласить Бена с женой к

нам в кают-компанию? – предложила Белка. – Они там, наверху, нам только нужно их позвать. Давайте устроим настоящий совет старейшин!

– Хорошая мысль! – сказал Вьюнок. – Попросите-ка их спуститься.

Меум вышел на палубу, а Тысячелист тем временем зажёг лампу и задёрнул занавески, потому что уже почти стемнело.

– Надеюсь, они ещё не отправились на охоту, – сказал Морошик, покручивая пальцами кончик бороды.

– Ещё нет, – ответил Вьюнок. – Они никогда не просыпаются раньше сумерек.

На сходящих слышались шаги, и в кают-компанию появился Меум, за которым вошли филин Бен и его жена. Они едва смогли протиснуться внутрь, при этом Бен ударился головой о косяк двери и ухнул от боли.

– Прости, Бен, – сказал Вьюнок, – нужно читать предупреждение, – и гном указал на слова «Береги голову!», аккуратно выведенные на куске берёзовой коры, прибитом к стене.

– Боюсь, мы не можем предложить вам подходящую еду или питьё, – произнёс гостеприимный Вьюнок, оглядываясь на камбуз. – Надеюсь, ты не поранился?

– О, ничего страшного, – ответил Бен, потирая голову мохнатой когтистой лапой, – нужно быть осторожнее. В доме наверху, – он имел в виду дупло в стволе ивы, – тоже очень тесно, я постоянно что-нибудь задеваю.

– У вас тут очень уютно, – заметила жена Бена, оглядывая

кают-компанию взглядом знатока.

– Да, неплохая посуда, – откликнулся Вьюнок, в глубине души очень польщённый.

– Должен сказать, это самый лучший корабль из всех, что когда-либо строили, – сказал Бен, с восхищением рассматривая картины на стенах и аккуратные койки.

– Да, хороший корабль, найденный в нужный момент, – ответил Меум, – и, возможно, я смогу починить мотор. По правде говоря, у меня ещё не было ни единой свободной минуты: то одним был занят, то другим.

– Разумеется, – понимающе кивнул Бен.

– Итак, мы пригласили вас, – начал Вьюнок, придвигая стул немного ближе к столу, – потому что подумали: раз мы все в одной лодке, то нам всем вместе нужно подумать о планах на будущее. Очевидно, что мы не можем оставаться здесь, у этого дерева; во-первых, оно не подходит нам самим, а кроме этого, и вам здесь не хватает места, а мы хотим, чтобы вы оставались с нами как можно дольше.

– Очень любезно с твоей стороны, Вьюнок, – откликнулся Бен, весьма тронутый. – Для нас это большая честь, воистину так. Мы ведь долго жили вместе, и хорошо знаем друг друга.

И тут все заметили, что филин очень смущён.

– Видишь ли, Вьюнок, ситуация довольно непростая. Как вы знаете, каждую весну мы высиживали птенцов. Моя жена уже высиживала яйца в дупле старого дуба, когда пришли эти отвратительные дикари и срубили его. И вот мы потеряли

эти драгоценные яйца, – при этих словах жена Бена шмыгнула носом и отвернулась, – и моя жена подумывала о том, чтобы обосноваться в здешней иве. Но я убеждаю её быть благоразумной; здесь тесно, и по многим причинам здешние условия совершенно не подходят для того, чтобы растить детей. Но вы же знаете, каковы женщины...

– Да, знаю, – ответил Вьюнок (хотя не имел об этом ни малейшего представления), и Бен продолжил.

– Она будет несчастна, если у нас не будет большой семьи, как это всегда бывало.

– Но почему бы не поискать подходящее дерево в округе или где-нибудь ниже по течению, тогда бы и мы к вам присоединились, – предложил Меум.

Тут вмешался Морошик, который всё это время ёрзал на месте:

– Нет, я не согласен, – заявил он, страшно покраснев. – Не думаю, что хорошо будет вновь осесть под каким-нибудь деревом, – мы же не овощи. Почему бы нам не отправиться к морю? Давайте поселимся на берегу, в пещере, и тогда мы сможем каждую осень улетать за море вместе с ласточками и весной возвращаться обратно. Давайте хоть немного посмотрим мир!

– Не болтай чепухи, Морошик, – оборвал его Вьюнок, стукнув кулаком о стол. – Как мы сможем отправиться куда-то с ласточками? Они не смогут везти нас на своих спинах. Нелепица!

– Абсурд! – воскликнул Меум.

– Смехотворное предложение! – фыркнула Белка.

– Что ж, – сказал Бен, пытаясь всех успокоить, потому что страсти накалялись, – не так-то просто найти подходящее дерево, не так-то просто, как вам кажется, гномы. Чего мы с женой не знаем о дуплистых деревьях, того и знать-то не надо; хотя я и сам так говорил, но найти дерево на берегу реки с подходящим дуплом для нас и пещерой для вас будет очень трудно. Нам с вами придётся пройти вниз по реке много миль, пока не попадётся что-нибудь подходящее. Возьмём для примера вот эту иву. У вас здесь нет кладовых, вам приходится жить на борту «Джини Динс», а наверху, в дупле, как вы знаете, так тесно, что даже мышь повернуться не сможет. Найти подходящее дерево – дело непростое, очень непростое, – и филин печально покачал своей большой головой.

– Я всё это знаю, Бен, – ответил Вьюнок. – Если будет совсем худо, тогда вам нужно будет найти дерево рядом с нами, а мы будем жить в другом месте.

– Ох, дорогой мой, нелёгкое это дело – искать жилище в нашем возрасте.

– Не вижу смысла так переживать, – вновь вмешался Морошик. – И с чего вы вообще хотите где-то осесть, никак не возьму в толк! Я – за кочевую жизнь!

– Не может быть! – воскликнул Вьюнок с притворным удивлением и язвительно добавил: – Вот уж не ожидал этого от тебя, Морошик!

– А это так, – ответил Морошик, не понимая намёков и не замечая, как горят гневом глаза Вьюнка. – Я обеими руками за кочевую жизнь и за ветер странствий.

И, к всеобщему удивлению, он запел такую песню, отбивая ритм кружкой, сделанной из раковины:

Я бродяга, мне вольно идти,
С ветром вольным мне по пути,
Серебрятся холмы и моря впереди...
Хей-хо, жизнь бродячая!

Когда Морошик закончил петь, в кают-компании воцарилась мёртвая тишина. Затем Вьюнок повернулся к совам.

– Бен, я должен извиниться за нашего собрата, он сам не свой с тех пор, как повстречал Небесных гончих.

– Да, это так, – тут же заявил Морошик с гордостью в голосе. – После этого никто не сможет остаться прежним! Стоит лишь раз отправиться в путь с дикими гусями, и дух странствий входит в твою плоть и кровь.

На лице Морошика появилась мечтательная улыбка, и остальные присутствующие уже было решили, что он снова собирается исполнить какую-нибудь песню.

– Только подумайте, – продолжал Морошик, – в эти самые минуты Небесные гончие отправляются в путь! Я так и вижу, как они собираются в огромные стаи на песчаных бере-

гах, слышу, как бьют колокола на бакенах¹⁶, чувствую запах моря и слышу шум волн, разбивающихся о морской берег. На север! На север! Этому Великому зову никто не может противиться!

Морошик вскочил и стал беспокойно расхаживать по каюте, но через несколько мгновений Вьюнок стремительным движением схватил его за пояс кожаных бриджей. А затем случилось нечто невообразимое. Меум вскочил, за ним – Белка; Тысячелист вцепился в одну ногу Морошика, а Вьюнок ухватился за другую, и через пару мгновений началась страшная возня и потасовка. Стол был перевёрнут, Бена и его супругу дважды сбили с ног. Светильник упал и погас, по кают-компанин разнёсся запах палёного масла – вы ещё никогда в жизни не видали такой безобразной сцены!

– Запереть его в носовом кубрике! – задыхаясь, прокричал Вьюнок, который едва удерживал Морошика за шиворот.

Наконец, несчастного пинающегося Морошика скрутили, вывели на палубу, втокнули в носовой кубрик и заперли там. Морошик устроил в кубрике ужасный погром, он изо всех сил колотил в дверь и обзывал всех, включая Бена, кучкой протухшей капусты.

– Уф-ф-ф, – выдохнул Вьюнок, когда в кают-компанин

---

¹⁶ Давным-давно бакены снабжали колоколами. Когда бакен качался на волнах, звон его колокола предупреждал моряков о приближении к мелководью. – *Прим. ред.*

снова воцарился мир, и всё привели в порядок. – Надеюсь, теперь мы сможем спокойно поговорить без этого глупого маленького идиота, который всех раздражает и срывает все наши планы. Бен, я снова должен извиниться за эту сцену, – не знаю, что нашло на Морошика. Раньше он всегда был таким спокойным и рассудительным.

Бен ответил, что всё в порядке и что он всё понимает, но обе птицы, казалось, чувствовали себя очень неловко. Устраивать ссоры в присутствии гостей всегда и везде считалось очень неприличным делом.

– На мой взгляд, – произнёс наконец Бен, – вопрос о том, чтобы где-то осесть, то есть найти другое дерево, весьма и весьма сложный. И я собираюсь сказать нечто такое, что может удивить и даже расстроить тебя, Вьюнок. По моему мнению, в непоседливости Морошика что-то есть. Правда состоит в том, что наша Англия теперь уже совсем не та, что раньше. Посмотрите на всех этих железных птиц, на автомобили и поезда, которые снуют теперь повсюду. Нет, Англия становится неподходящим местом для таких, как мы. Вот если бы нам удалось найти какое-нибудь другое место, я хочу сказать – милое и спокойное местечко, где мы могли бы жить, пока люди не прекратят вырубать деревья и губить природу! Я не сомневаюсь, что однажды всё опять наладится, и наша страна снова станет старой доброй Англией. Но судя по тому, как обстоят дела сейчас, для нас и нам подобных тут нет места.

В кают-компании воцарилась гробовая тишина. Вьюнок

подумал, что Бен странным образом сыграл с ними какую-то злую шутку.

– Обратите внимание, – добавил Бен, заметив, как омрачились лица гномов, – что я не становлюсь на сторону Морошика, даже не думайте; но как-то раз один бекас рассказывал мне, что к западу от этих мест находится большой остров, который, впрочем, гораздо меньше Британии, тихий и зелёный, с нетронутой человеком природой – горы и леса, болота и озера в своём первозданном виде. Если бы мы отправились туда, то обрели бы мир и покой на всю оставшуюся жизнь.

– А далеко отсюда до этого острова? – спросил Вьюнок. – До этого удивительного края, где мы наконец-то смогли бы обрести покой?

– Этого я не знаю, – ответил Бен, – но я скажу вам, кто знает о нём всё, ведь он там много раз бывал; это Вальдшнеп.

– Вальдшнеп? – воскликнул Вьюнок. – Эта старая неразговорчивая длинноклювая птица?

– Она самая, – подтвердил Бен, наклонив голову. – Вальдшнепу хорошо известен этот остров, он вам всё о нём расскажет.

– А где мы можем найти Вальдшнепа? – спросил Вьюнок. – В это время года я его редко вижу.

– Думаю, я смогу его разыскать, – сказал Бен. – Я видел его на прошлой неделе в Красной роще. Вряд ли вы знаете это место, оно довольно далеко отсюда. Я отправлюсь туда сегодня же, если пожелаете, и приведу его к вам.

– Непременно, – ответил Вьюнок. – Найди его, если сможешь, и мы внимательно его выслушаем. Если такое место действительно существует, то я первым поддержу решение отправиться туда – если мы *сможем* туда добраться, – многозначительно добавил Вьюнок и пристально поглядел на Меума.

– Если мне удастся починить мотор, мы сможем туда отправиться, – сказал Меум, – если это не слишком далеко.

– Боюсь, это довольно далеко, – сказал Бен. – Путь туда будет гораздо длиннее, чем ваше путешествие вверх по Причуди. И вам придётся переплыть море.

– Это будет нетрудно, – воскликнул Меум, не в силах справиться с переполнявшим его странным волнением. – Как только мы починим мотор, «Джини Динс» сможет отправиться куда угодно, даже на этот разлюбезный сердцу Морошика Шпицберген, о котором он всё время болтает.

Уже через несколько часов гномы услышали вдали уханье Бена, и совсем скоро он появился в сопровождении престранной маленькой птицы. Она выглядела довольно невзрачно и отличалась очень длинным клювом. Её огромные чёрные высоко посаженные глаза были почти такими же большими, как глаза Бена. И вообще она во многом походила на Бена, а её оперение было окрашено во все мыслимые оттенки бурого, рыжевато-коричневого и серого цветов, в точности повторяя цвета осенних листьев.

– Я нашёл его, – торжественно объявил Бен, вводя смущённую птицу в кают-компанию. – Знал, что найду.

Вальдшнеп стоял, моргая от света масляной лампы.

– Добро пожаловать, Вальдшнеп, – сказал Вьюнок, который хотел, чтобы новоприбывший гость поскорее освоился в их компании. – Это – Меум, это – Тысячелист, а это – Белка. Ещё один наш собрат немного... того... приболел. Переволновался, знаете ли.

Последнее замечание любопытным образом совпало с приглушённым грохотом, донёсшимся из носового кубрика.

– Сходите-ка за ним, – отвернувшись от гостя, шепнул Вьюнок Меуму, – всё равно ему придётся познакомиться с Вальдшнепом.

Меум украдкой выскользнул из кают-компания и вскоре вернулся вместе с Морошиком, который выглядел теперь вполне смирным.

Когда все были представлены друг другу, Бен обратился к Вальдшнепу.

– Мои друзья хотят побольше узнать о том зелёном острове, на котором ты живёшь, – сказал филин. – Видишь ли, они... то есть, я хочу сказать, мы, – лишились дома из-за того, что эти злобные люди осушили Причудь и срубили наш старый дуб. Теперь у нас нет крыши над головой. Мы подумали, что доберись мы до этого острова, мы смогли бы жить спокойно, не опасаясь больше подобных потрясений.

– Должен сказать, что не могу осудить вас за такое реше-

ние, – ответил Вальдшнеп. – Эти люди слишком много на себя берут. Завтра я улетаю на свой остров, и рад, что покидаю эти края. Через день вы бы меня здесь уже не застали!

– Это действительно приятное тихое место? – спросил Вьюнок.

– Тихое? Сдаётся мне, так и есть! – воскликнул Вальдшнеп, а потом, понизив голос, добавил: – Мне кажется, там живут другие гномы, и ещё эти, которые ходят по болотам с маленькими фонариками, – болотные гоблины.

– Должно быть, ты говоришь об Ирландии, – вздрогнув, сказал Вьюнок, – ведь это единственное место, где ещё живёт маленький народец.

– Ирландия, она самая, – ответил Вальдшнеп, переходя на ирландский акцент. – Чудесное место, куда ни посмотри, зелёное круглый год, зелёное, как сама весна. И там есть дубравы, торфяники и болота, и ты неделями не встречаешь людей. Есть реки и озёра – прекрасные озёра с лазурной водой! Я знаю там одно местечко, которое вам подойдёт, – маленький остров посередине серого-серого озера у подножия гор Морн¹⁷. На этом острове стоит старая часовня, где погребён отшельник, да упокоится с миром его душа, а неподалёку есть небольшая дубовая роща. Там всё заросло высоким папоротником; на берегах острова отдыхают дикие гуси, и там

---

¹⁷ Гранитная горная гряда в графстве Даун на юго-востоке Северной Ирландии, которая входит в состав первого национального парка Северной Ирландии. – *Прим. ред.*

слышен лишь шёпот ветра да шум волн, разбивающихся о прибрежные камни!

Морошик, который всё это время тихо и неподвижно сидел у края стола, начал ёрзать на стуле. Он с беспокойством посмотрел на Выюнка, на двух других своих собратьев, а затем на Бена. Последний, к огромному удивлению Морошика, по-дружески ему подмигнул.

– Должен признать, звучит заманчиво, – произнёс наконец Выюнок (и тогда филин ещё раз подмигнул Морошику), – но как нам туда добраться?

– Ах! В этом-то и загвоздка, – ответил Вальдшнеп. – Как вам туда добраться?

Морошик, не в силах больше сдерживаться, вскочил со стула.

– Я знаю! – закричал он. – Небесные...

– Тихо! – рыкнул на него Выюнок. – Ещё одно слово, сэр, и тебя снова запрут в кубрике! Неделю будешь жить на железяках и воде!

Расстроенный Морошик умолк и разом сдулся, словно проколотый воздушный шарик; теперь он сидел с поникшей головой, задумчиво вперив взгляд в стол.

– Если бы мы починили мотор на этом корабле, то смогли бы туда добраться? – спросил Выюнок.

Вальдшнеп оглядел кают-компанию. Затем он покачал своим длинным клювом.

– Боюсь, нет, хорошие гномы. Ирландское море утопит этот

маленький корабль.

Морошик опять открыл рот, чтобы что-то сказать, но передумал и продолжил внимательно рассматривать поверхность стола.

Тогда заговорил Бен.

– Могу я внести предложение? – обратился он к гномам. – Разве в прошлом году ваш собрат Морошик не добрался до Шпицбергена на спине гуся?

– До Шпицбергена? – изумился Вальдшнеп, глядя на Морошика с нескрываемым уважением. – Но это же гораздо дальше, чем Ирландия, гораздо дальше.

– Можешь говорить, – обратился Вьюнок к Морошику, – но ограничься рассказом о способе передвижения и воздержись от упоминания других подробностей своих приключений.

– Я путешествовал с Небесными гончими, как только что сообщил вам Бен, – начал Морошик, побагровев от гордости. – Я встретил их в верховьях Причуди, и вожак стаи посадил меня к себе на спину. Лететь было холодно, но вполне комфортно. И мне посчастливилось сослужить службу...

– Стоп, – приказал Вьюнок. – Это всё, что мы хотели узнать. Можешь сесть.

– Небесные гончие улетели вчера, – сказал Вальдшнеп. – Я видел, как они огромным клином пролетали над Красной рощей. Вы опоздали, друзья, думая просить их взять вас с собой. Хотя, – добавил он, – они никогда бы не свернули со

своего маршрута, чтобы доставить вас в мою страну. Когда раздаётся Великий зов, нам, птицам, нужно лететь к месту своего рождения. Те Небесные гончие, которые доставили вашего собрата на Шпицберген, вероятно, были из Розовоногих, а они редко посещают Ирландию. Туда летят Белолобые, но я уверен, что они тоже со дня на день отправятся в путь. Белолобые живут там, где эта река впадает в море Сёверн¹⁸, – я хочу сказать, живут зимой, – на болотистых берегах возле устья. Но, как я уже говорил, они сейчас улетают на север, и к тому времени, когда вы доберётесь до моря, их там уже не будет, – если вам вообще удастся добраться туда.

– Значит, мы упустили эту возможность, – сказал Морошник, и его глаза наполнились слезами: надежда, только что родившаяся в его душе, была жестоко разбита.

– Ничего подобного, – возразил Меум. – Прежде нам всегда помогали, придёт помощь и на этот раз. Для Бена и его жены это путешествие не составит труда. И к тому же, – добавил он с блеском в глазах, – у меня появилась одна идея. Думаю, мы осилим этот путь.

Вьюнок, который сидел, обхватив голову руками, вздохнул.

– Думаю, вы правы, – тихо произнёс он. – Думаю, мы должны отправиться в путь, так или иначе. А теперь, когда

---

¹⁸ Устаревшее название Бристольского залива в английском языке. Происходит от названия реки Северн, самой длинной реки Великобритании, которая впадает в Бристольский залив, образуя в месте впадения широкий эстуарий (воронкообразное устье реки, расширяющееся в сторону моря). – Прим. ред.

у братца Меума появилась ещё одна новая идея, нам точно покоя не видать!

– Не расстраивайтесь! – сказал Вальдшнеп. – Всё будет хорошо!

Он повернулся, собираясь уходить.

– Надеюсь, что увижу вас там, – добавил он. – Я объясню Бену, какого курса надо держаться, чтобы найти тот маленький остров на озере, о котором я говорил. Без сомнения, он будет вашим штурманом, полетите вы туда или поплывёте. А мне пора в дорогу – я уже опаздываю!

Галантно раскланявшись, странная маленькая птица в сопровождении Бена и его жены спустилась по сходням на берег и улетела.

В воцарившейся тишине бедный старый Выюнок, ощутивший весь груз прожитых лет и почувствовавший такую безмерную усталость, какую он никогда прежде не чувствовал за всю свою долгую жизнь, издал глубокий-глубокий вздох.

Глава 5

Подмёткинс-младший

Какой бы ни была идея, возникшая в мудрой маленькой голове Меума, он не спешил ею делиться. Но после совета в кают-компании, о котором говорилось выше, он почти безвылазно сидел в моторном отсеке, постукивая молотком и начищая пружины и шестерёнки.

Остальные не сожалели об этом. После многообещающего периода тёплых, по-настоящему весенних дней зарядили дожди, ночью случались заморозки, и все, даже Морошик, были рады тому, что не отправились вниз по реке в такие холода.

Меум был так занят, что не вылезал из моторного отсека даже чтобы перекусить – еду ему приносил Тысячелист. Остальные коротали время за рыбалкой и занимались пошивом элегантных и практичных шуб из кротового меха – из тех самых шкурок, которые подарили им Бен с женой. Жена Бена была поражена мастерством гномов, когда те продемонстрировали ей готовые шубы.

Белке так понравилось путешествовать, что она, не теряя времени даром, в полном одиночестве совершала небольшие вылазки и бродила по окрестностям. Однажды в полумиле от их временного пристанища она набрела на дорогу, веду-

щую к деревне. Дорога вывела её к мосту через реку, возле которого стояла лавка-мастерская, принадлежавшая, согласно вывеске над дверью, джентльмену по фамилии Подмёткинс. Вывеска гласила: «Ремонтная мастерская Дж. Подмёткинса. Бензин, маслá, срочный ремонт любой техники». У Подмёткинса был маленький сын и очень толстый чёрный спаниель по имени Богги, который больше походил на пухлый шерстяной валик, чем на собаку. Однажды этот пёс загнал Белку на яблоню, и, если бы мистер Подмёткинс не был занят в своей ремонтной мастерской, а его сын не оказался в это время в школе, для Белки всё могло бы закончиться весьма печально. К счастью, она смогла улизнуть и с тех пор не показывалась в окрестностях моста.

А затем холодная унылая погода переменилась. Стояла середина апреля, наступили тёплые деньки, и каждый почувствовал, что скоро придёт настоящее лето. Прилетели ласточки и кукушки, каждая веточка и каждый листочек быстро пошли в рост. Бедному старому Бену было нелегко совладать со своей женой, ведь теперь, когда вся природа так многообещающе зеленела, его супруга жаждала обзавестись потомством. Но старому Бену было виднее; он так и говорил жене: «Бену виднее», и через несколько дней она решила, что подождёт до следующей весны. И гномы, и филины, и Белка знали, что грядут великие перемены, и в те дни каждый из них едва сдерживал волнение, подобное тому, которое чувствовали Меум и Тысячелист, планируя своё путеше-

ствие в верховья Причуды.

Новая река таила множество неожиданностей и произвела на гномов сильное впечатление: во многих отношениях старая добрая Причудь не могла сравниться с нею. Но как бы то ни было, новой реке недоставало той милой уютной атмосферы маленького ручья, и даже Вьюнок признавался себе, что они *никогда* не будут счастливы на этих берегах, даже если Бен найдёт здесь подходящее дерево. Было и ещё кое-что: иногда по реке проплывали лодки с людьми, и эти люди заводили патефоны, швыряли в воду пивные бутылки и обрывки бумаги. По берегам реки часто прогуливались влюблённые парочки, а однажды мимо ивы с громким тархтением прошёл моторный катер, волны от которого так сильно захлёстывали корни ивы, что «Джини Динс» едва не опрокинулась. Должен признаться, что и соседи здесь тоже были очень чопорными и неприветливыми. Конечно, поблизости дюжинами жили водяные крысы и зайцы, но они никогда не заглядывали в гости, чтобы по-дружески поболтать. Очень скоро даже Вьюнок понял, что на этой непростой реке счастья им было не видать.

Солнышко ярко светило и согревало всё вокруг, с утра до вечера повсюду слышались птичьи трели, заливные луга были усеяны миллионами лютиков, но вот у Меума, не покладая рук трудившегося в чреве корабля, работа совсем не ладилась.

Однажды вечером он вошёл в кают-компанию, измучен-

ный и раздражённый. Плюхнувшись на стул, он мрачно взглянул на остальных.

– Как дела, Меум? – с сердечной добротой в голосе спросил его Вьюнок. – Надеюсь, мы не помешали тебе работать? Мы старались не путаться у тебя под ногами, насколько это было возможно.

– Никак не могу починить эту проклятую пружину, – признался Меум срывающимся голосом. – Боюсь, у меня это никогда не получится, это выше моих сил.

– Не грусти, Меум, не принимай это близко к сердцу. Может, мы просто отчалим от берега и поплывём по течению? Ведь именно так мы добрались домой из верховий Причуди.

– Вы не понимаете, – ответил Меум. – Мы не сможем просто так спуститься вниз по течению до самого моря, это путь длиной во *много миль* – в сорок, в пятьдесят раз больше, чем то расстояние, которое мы прошли по Причуди!

– О боже мой, – обеспокоенно произнёс Вьюнок, – я и не думал, что это так далеко. Но откуда *ты* об этом знаешь?

– Король рыбаков рассказал мне на прошлой неделе. Он сказал, что мы бы могли доплыть до моря, если починим мотор, но даже в этом случае путешествие займёт всё лето. Без мотора у нас нет ни малейшего шанса, да и к тому же мы не сможем управлять кораблём.

– Ясно, – сказал Вьюнок. – Тогда нам придётся остаться здесь. Но на днях ты сказал, что у тебя появилась идея. В чём она заключается?

– Я никому о ней не расскажу, – ответил Меум. – Мой секрет знает Бен, но он обещал хранить его в тайне. Видите ли, я всё обговорил с ним, и он полностью поддерживает мой план. Но если мы не починим мотор, этот план нельзя будет воплотить в жизнь, если вы понимаете, что я имею в виду.

– Плохи наши дела. Не знаю, что и предложить, разве что идти пешком, – помолчав, произнёс Вьюнок.

– Невозможно, – откликнулся Меум. – Ты и сам это знаешь, Вьюнок. Как ты осилишь многие мили пути? Это решительно невозможно.

– А что если попросить сэра Цаплю? Вдруг он нам поможет? – предложил Вьюнок. – Помните, он подбросил меня вверх по течению.

– Нет, сэр Цапля не оставит эти края даже ради нас. Цапли неохотно совершают столь далёкие перелёты; кроме того, он не сможет посадить всех нас к себе на спину.

Вьюнок угрюмо смотрел через иллюминатор на проплывавшую мимо камышницу, за которой гуськом следовали чёрные как сажа птенцы. Наконец, он вздохнул и произнёс:

– Меум, дружище, тогда давай не будем волноваться; всё образуется, вот увидишь.

Природа словно издевалась над нашими бедными бездомными гномами и Белкой, посылая им прекрасную погоду в эти весенние деньки, ведь поломка корабля не позволяла им двигаться дальше. Непоседа Морошик, которого раздра-

жало то, что Меум никак не может починить мотор, стал ещё более беспокойным и проводил большую часть времени, дразня водяных крыс и бесцельно слоняясь по берегам реки, несмотря на предостережения остальных гномов.

Одним тёплым весенним днём в начале мая, когда Тысячелист, Выюнок и Меум сидели за столом в кают-компании и играли в «Прыгающие жёлуди» (эта игра напоминает шашки, но гораздо сложнее), случилась беда.

Морошик, как обычно, валял дурака: на этот раз, несмотря на строгий запрет Выюнка, он катался на шлюпке ниже по течению реки вместе с Белкой – неугомонный гном уговорил её отправиться с ним.

Выюнок как раз побил одну из самых сильных фигур Меума на игровой доске, когда снаружи внезапно раздался шум. В левый борт «Джини Динс» врезалась шлюпка, а в следующее мгновение в кают-компанию ворвались Белка и Морошик, запыхавшиеся и бледные.

– Скорее, скорее, они гонятся за нами! Прячьтесь в стволе дерева, или нас всех переловят!

– Да в чём же дело? – воскликнул Выюнок, вскочив на ноги. – Горностаи или лесные собаки?

– Ни те, ни другие, – ответила Белка, – но говорю вам, если вы останетесь здесь, то окажетесь в ловушке, словно гольяны в бутылке! Живее, ну же, мы потом вам всё объясним!

Не сказав больше ни слова, Белка и Морошик выскочили из кают-компании на палубу. В следующее мгновение за

ними последовали Вьюнок, Меум и Тысячелист. С капитанского мостика они смогли забраться внутрь ивового дерева – внутри ствола была узкая щель, которая вела вверх.

Едва они залезли туда, как снаружи послышался страшный лай, оглушивший гномов. А мгновение спустя под корнями ивы, прямо под гномами и Белкой, показался толстый чёрный спаниель, который крутился и прыгал в воде; высокие волны то и дело захлёстывали красные корни дерева.

– Убирайся отсюда! – заверещала Белка. – Ступай прочь, зверюга!

С этими словами она оторвала от ствола небольшую щепку и запустила ею в спаниеля. Пёс мог просунуть в щель лишь голову; в бессильной злобе он бил лапами по воде и лаял, а глаза его налились кровью. Он даже не обращал внимания на «Джини Динс», которую бросало на волнах вверх и вниз и корма которой из-за этой качки то и дело щёлкала пса по носу.

– Вот что случается, если слоняться где попало среди бела дня! – зарычал Вьюнок. – Говорил я тебе не выходить наружу до сумерек!

– Я ничего не мог поделать, – пытался оправдываться Морошик. – Мы с Белкой поплыли вниз по течению, а этот мерзкий пёс прыгнул из зарослей тростника прямо на нас; хуже того, шум услышал юный Подмёткинс, и теперь он бежит по берегу прямо сюда с другим сорванцом, чтобы посмотреть, отчего пёс поднял такой шум.

Вьюнок застонал.

– Ты меня удивляешь, Белка! Никак не мог подумать, что ты можешь вести себя так безрассудно!

Белка угрюмо понурила голову.

– Однажды этот пёс уже гонялся за мной... Ненавижу его! – пробурчала она в усы.

– Что ж, – заметил Вьюнок, – остаётся только надеяться, что он отступится и уйдёт прочь. Если на наш след нападут люди, быть беде.

Но пёс и не думал уходить. Он чуял Белку и видел, как та вжалась в тёмную щель внутри ствола ивы и затаилась, да и гномов он заметил. И он крутился под корнями ивы, лая как сумасшедший.

Совсем скоро гномы услышали, как снаружи по дереву стучат подошвы подбитых гвоздями ботинок: кто-то карабкался вверх по стволу ивы. Они услышали, как Бен с женой вылетели из дупла, а затем чей-то голос произнёс:

– Давай сюда, Винкл, тут наверху совиное гнездо, а Богги загнал выдру под дерево!

Гномы услышали, как мальчишки забрались на иву, и вниз посыпался какой-то сор. Но яиц проказники не нашли, лишь кучу шелухи от жучков и букашек, и через некоторое время они спустились вниз и начали тыкать палкой в полости между корнями ивы.

Подмёткинс-младший орудовал палкой так энергично, что порвал канат, которым «Джини Динс» была пришварто-

вана к одному из корней, и в следующее мгновение произошло самое худшее из всего, что могло случиться. Корабль, потерявший швартовы, медленно выплыл из-под корней ивы и застыл возле берега прямо у того места, где стояли два юных сорванца.

– Вот теперь мы точно влипли! – сказал Вьюнок, побелев от гнева. – Благодаря тебе, Морошник, мы лишились «Джини Динс»! Я всерьёз думаю о том, чтобы утопить тебя или бросить на съедение этому мерзкому псу!

«Мерзкий пёс» по-прежнему прыгал и крутился в воде, залиvisto лая. И тут раздался восторженный вопль.

– О-го-о! Что это за лодка? Эй, Винкл, глянь, какая красивая лодочка приплыла к нам из-под дерева!

Гномы увидели, как чьи-то огромные пальцы схватили «Джини Динс» за фок-мачту и в мгновение ока вытащили корабль из воды, и на её поверхности остались только рябь да мелкие волны, которые расходились в разные стороны и гасли под корнями ивового дерева. Восторженные крики, эхом отдававшиеся в полости внутри ствола ивы, свидетельствовали о том, что новые хозяева по достоинству оценили «Джини Динс».

– Ну-кась, дай-ка я её заведу, тут ключ есть! – услышали гномы голос одного из мальчишек.

– Пружина сломана, но корабль клёвый!

– Во, да тут и каюта есть, и стол, и прибабасы всякие...

– Ух ты!

– Э, дай мне посмотреть!

– Отстань, я первый его нашёл!

– Как же! Это Богги его нашёл! Если бы он не погнался за выдрой, тебе бы этого корабля век не видать, понял?

– А вот и нет!

– А вот и да!

Послышался шум потасовки, к которой, по всей видимости, присоединился и пёс, уставший от бесплодных попыток добраться до гномов и Белки. Через некоторое время голоса мальчишек затихли вдали. Выбравшись из-под дерева, гномы нырнули в заросли жгучей крапивы и огляделись. Вдоль берега, удаляясь от них, шли два мальчика, и один из них – это был юный Подмёткинс – держал в руках «Джини Динс». Выюнок смотрел им вслед, пока они не скрылись из виду, а потом, не сказав ни слова, сел на ивовый корень и обхватил голову руками.

Морошик и Белка сгорали от стыда (особенно Белка) и молчали, а Меум и Тысячелист подошли к Выюнку и попытались его утешить.

Почему судьба так жестоко обошлась с бедными маленькими беженцами? В чём они провинились? Теперь они лишились своего последнего убежища, а вместе с ним – и всех своих пожитков: рыболовные снасти, драгоценные вина Выюнка, шубы из кротового меха, – всё это пропало, и пропало по вине Морошика.

Над головами гномов, словно посмеиваясь над их горем,

с радостным щебетом летали ласточки; тени облаков наперегонки бегали друг за другом по зелёной траве; высоко в небе, над пшеничным полем, пели свои звонкие песни жаворонки. В зарослях тростника возле самой воды свистели камышовки, а над ними в лучах весеннего солнышка плясала мошкара.

Куда же смотрел Пан? Чем он был так занят, что позволил случиться этой беде? Может быть, он сидел где-нибудь неподалёку, укрывшись в зарослях серебристых ив, которые так изящно гнулись под порывами вечернего ветра?

Гномам и Белке было невдомёк, что Пан и в самом деле был неподалёку, – он прятался в ивовых зарослях и, улыбаясь странной кривой улыбкой, что-то тихонько наигрывал на своей свирели. Он всё это и устроил. Он вложил мысль о прогулке на шляпке в глупую голову Морошика, он заманил спаниеля на охоту за водяными крысами в заросли тростника на берегу реки, он подстроил всё так, чтобы Подмёткинс-младший со своим другом прогуляли сегодня школу. Всё это в очередной раз покажет, каким мудрым был старый Пан, и вскоре вы в этом убедитесь!

Глава 6

Мастерская Подмёткинса

На иве сидел скворец и насвистывал свою песенку. Его красивое оперение отливало всеми оттенками голубого, зелёного, фиолетового и красного. И песенка его тоже была переливчатой; она состояла из коротких фрагментов, которые скворец придумывал по ходу дела – бляение овец, щёлканье галок, крики чибиса, щебет ласточек¹⁹, в промежутках между которыми скворец вплетал в мелодию собственные причудливые щелчки и трескотню.

Скворец – занятная птица, настоящий пернатый клоун, придворный шут Матери-Природы. Гномы не раз покатывались со смеху, слушая его забавные трели и шуточки. А как любили они наблюдать за большими стаями скворцов осенью, когда те чёрными поблёскивавшими облаками кружили над зарослями тростника! Как смеялись они, глядя на то, как эти птицы с важным видом церемонно расхаживали по лугам в поисках жуков-щелкунов. Но именно теперь, подумал Вьюнок, им было совсем не до шуток. И когда немного погодя скворец начал подражать стуку молотка, которым

---

¹⁹ Скворец обладает удивительной способностью подражать пению других птиц и имитировать самые разные звуки – кваканье лягушек, лай собак, бляение овец на пастбищах и многие другие. – *Прим. ред.*

мистер Подмёткинс работал в своей мастерской, Вьюнок не выдержал.

– Эй, ты там! Замолчи уже!

Ещё никто и никогда не разговаривал со скворцом так неучтиво. Скворец пристально поглядел на Вьюнка и его собратьев, и в его взгляде читались удивление и обида.

– Ох, прости меня, Блескун, я вовсе не хотел обидеть тебя, просто мы только что пережили ужасную потерю.

Скворец пронзительно присвистнул, постепенно переходя на всё более высокие ноты, а затем с гортанным бормотанием спорхнул с ветки и уселся на траву рядом с гномами.

– Ой-ей-ей! – произнёс Блескун, глядя на убитых горем гномов. – Я вам искренне сочувствую, честное слово. Что жестряслось?

– Мы потеряли наш корабль, – ответил Меум, а Белка и Морошик с притворным интересом стали рассматривать большую бурую корову, которая щипала молодые побеги тростника на берегу реки ниже по течению.

– Неужели «Джини Динс»? Знаменитую «Джини Динс»? – спросил Блескун и тихонько присвистнул. – Да, мы все слышаны о том, какой это был замечательный корабль и как ловко вы привели его сюда, под ивовое дерево, в целости и сохранности. Как же так вышло?

– Не будем сейчас говорить об этом; в худой час лучше промолчать, – устало произнёс Вьюнок, – но она пропала, и пропала навсегда. Её утащил мальчишка Подмёткинс.

Скворец на мгновение онемел от удивления, но быстро пришёл в себя и воскликнул:

– Как, этот маленький шалопай? Боже правый, какая досада! Я хорошо знаю эту семью; его родители – славные и трудолюбивые люди, и крыша у них хорошая и тёплая, из отличной соломы. Да у меня жена сейчас высидивает пять яиц под этой самой крышей! Мы каждый год строим там гнездо. Старик Подмёткинс – добрый малый, никогда не тревожит меня. Говорит, что ему нравится, как мы свистим возле его печной трубы. Да и мастер он отличный, рукастый, как у них говорят.

– Рукастый он или нет, но его шалопай утащил «Джини Динс», – ворчливо произнёс Выюнок, – и я ума не приложу, что нам теперь делать. Даже со сломанной пружинной мотора этот корабль был отличным домом.

Блескун не ответил; пару минут он сидел тихо, краем глаза наблюдая за гномами. Ярко светило солнце, и Выюнок любовался красотой птичьего оперенья, которое в лучах солнца переливалось всеми цветами радуги. Обычно гномы посмеивались над скворцами и звали их шутами в перьях.

– Вот что я вам скажу, – подал голос Блескун. – Я полечу туда и посмотрю, что там с вашим кораблём. Сегодня в мастерской весь день стоял страшный грохот, даже жена стала жаловаться. Подождите здесь – жук-щелкун и щёлкнуть не успеет, как я вернусь.

– Занятный малый этот Блескун, – заметил Меум, когда

скворец улетел. – Желает нам добра, но не вижу, чем он может нам помочь.

Прошло немного времени, и Блескун вернулся. Захлёбываясь от волнения, он начал рассказывать:

– Старик Подмёткинс сейчас в мастерской, вместе со своим парнишкой. Я подглядывал за ними через окно. «Джини Динс» стоит на верстаке, и они трудятся над ней не покладая рук, словно пчёлки.

– Ого! – воскликнул Меум, наострив уши. – Правда? Неужели?

– Истинная правда, – подтвердил скворец. – Если у корабля сломана пружина, как вы говорите, старый Подмёткинс быстренько всё наладит. Он, знаете ли, души не чаёт в своём сыне, а по мне этот мальчуган – противный маленький проказник, но о вкусах не спорят.

– Вот если бы нам удалось забрать корабль из мастерской сегодня ночью, – сказал Меум, дёргая себя за бороду, – это было бы дело!

– Что ж, – ответил Блескун, – старик Подмёткинс частенько ходит играть в шары, он – член клуба, и мне довелось услышать, что сегодня все игроки ужинают в «Пятнистой корове» – там намечается славная пирушка. Я услышал об этом от другого скворца, который гнездится на крыше деревенского паба. Так что старик Подмёткинс нам не помешает; скорее всего, он вернётся домой навеселе, как обычно в таких случаях. Миссис Подмёткинс спит крепко, да и маль-

чишка тоже не проснётся. Следует беспокоиться разве что о собаке – о ней да о том, как вытащить корабль из мастерской. На ночь там всё запирают.

– Что ж, вот *это* задачка, – произнёс Меум, который, тем не менее, сильно оживился.

– Попасть в мастерскую несложно, – уверил гномов Блескун. – Дверь там старая, даже я сам пару раз протискивался туда через щель, чтобы посмотреть, что там внутри, но, как вы и говорите, вытащить корабль будет нелегко. В любом случае, ваш друг Бен может постоять на страже, верно? Пусть сядет на конёк крыши и поглядывает по сторонам.

– Да, он сделает всё, чтобы помочь нам, – ответил Вьюнок, – но как мы вытащим корабль – вот вопрос. Надо бы нам всем отправиться туда сегодня вечером, чтобы осмотреться, а? Что скажешь, Меум?

– Хорошая мысль!

– А Морошик и Белка (услышав свои имена, провинившиеся вздрогнули) пусть делают всю самую тяжёлую работу, ведь это из-за них мы оказались в такой ситуации. Пусть лезут в мастерскую – как именно они это сделают, я понятия не имею, – и поглядят, что там и как.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.